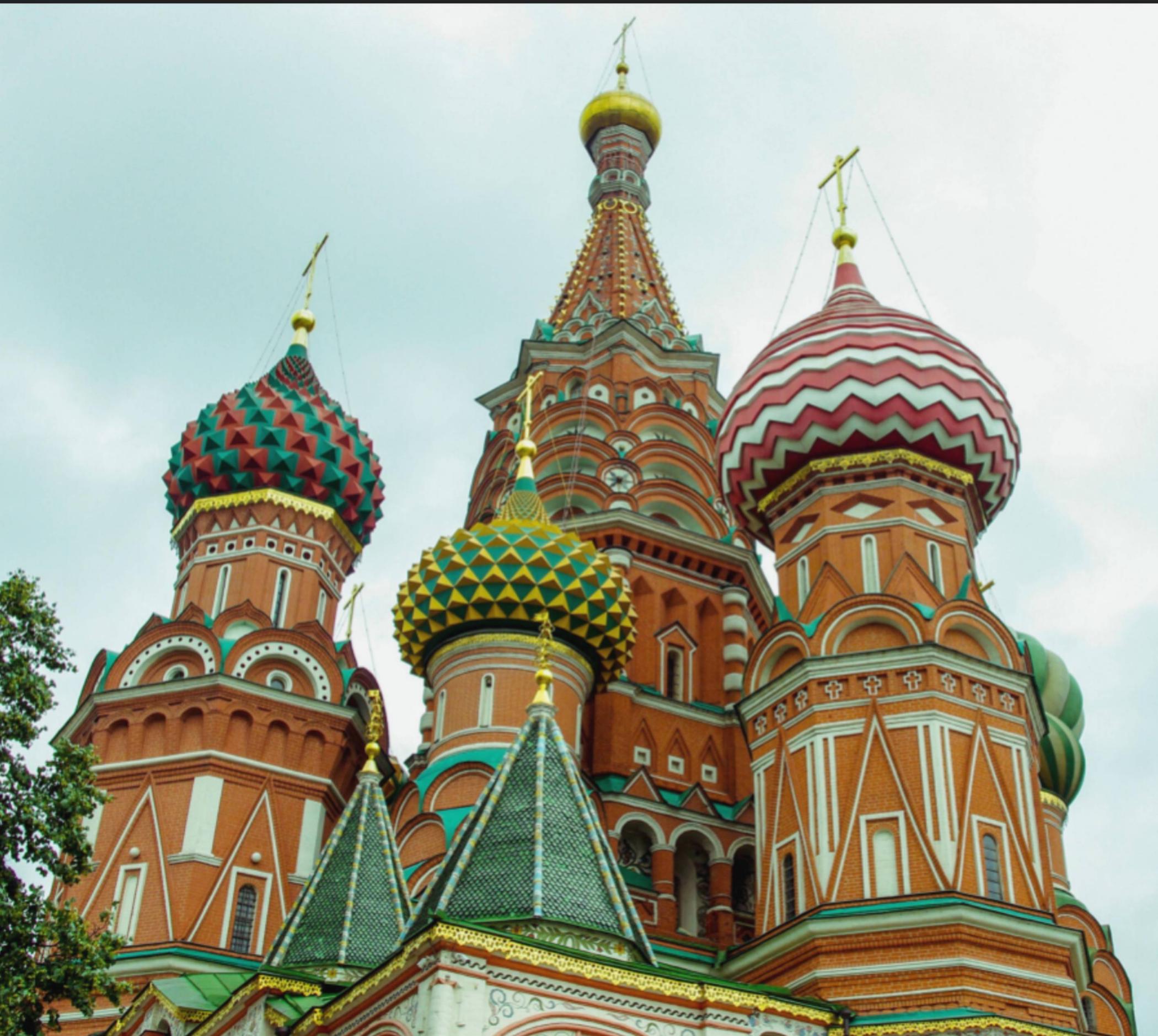

Вопросы элитологии

Issues in Elitology

ТОМ 3, NO 1

Issues in Elitology

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol. 3, No 1

<https://doi.org/10.46539/elit.v3i1>

Вопросы элитологии

Исследовательский электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 3, No 1

<https://doi.org/10.46539/elit.v3i1>

Table of Content

ELITE STUDIES OF CULTURE

- Anna P. Romanova**
Elitological Culture Issues in the Work of Georgy Petrovich Fedotov 13
- Alexander P. Glazkov**
Interconfessional Dialogue and Its Elitological Dimensions 26
- Elena V. Khlyshcheva**
The Creative Class as a New Modern Elite: on the Question of Concepts 39
- Ekaterina V. Gainutdinova**
Creativity as a Motivational Resource for the Development of the Cultural Elite in Russia 51

ELITOLOGY AND PHILOSOPHY OF CREATIVITY

- Andrey V. Mironov**
Moral Creativity as the Creation of a Worthy Life in the Philosophy of the Roman Stoics 61
- Paul L. Karabushenko**
Elitology of Creativity: Worlds of Self-Developing Personalities 73

CRITICISM AND REVIEWS

- Leonid Ya. Podvoisky**
Yuri Nikolaevich Davydov and Modern Elitology:
review on the Book of Yu. N. Davydov «Art And Elite» (1966) 87
- Elina A. Sarakaeva, Irena V. Lebedeva**
Cultural Elites and Higher Education: Review of the Monograph by g. E.R. Lloyd
“Disciplines in the Making: Perspectives on Elites, Learning and Innovation” 95

SCIENTIFIC LIFE

- Grigory L. Akopov, Alexander V. Ponedelkov**
Results of the IV All-Russian Elite Congress
with International Participation (Rostov, Astrakhan, Taganrog, Pyatigorsk, 2022) 101

Содержание

ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Романова Анна Петровна**
Проблема элитологии культуры в творчестве Георгия Петровича Федотова 13
- Глазков Александр Петрович**
Межконфессиональный диалог и его элитологическое измерение 26
- Хлыщева Елена Владиславовна**
Креативный класс как новая современная элита: к вопросу о понятиях 39
-
- Гайнутдинова Екатерина Валерьевна**
Творчество как мотивационный ресурс для развития культурной элиты в России 51

ЭЛИТОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА

- Мионов Андрей Владимирович**
Моральное творчество как созидание достойной жизни в философии римских стоиков 61
- Карабущенко Павел Леонидович**
Элитология творчества: миры саморазвивающихся личностей 73

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- Подвойский Леонид Яковлевич**
Юрий Николаевич Давыдов и современная элитология:
рецензия на работу Ю.Н. Давыдова «Искусство и элита» (1966 г.) 87
- Саракаева Элина Алиевна, Лебедева Ирэна Валерьевна**
Культурные элиты и высшее образование: рецензия на монографию г. Е. Р. Ллойда
«Становление научных дисциплин: элиты, образование и инновации» 95

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Акопов Григорий Леонидович, Понеделков Александр Васильевич**
Итоги IV Всероссийского элитологического конгресса
с международным участием (Ростов, Астрахань, Таганрог, Пятигорск, 2022 г.) 101

Dear friends, colleagues, readers and authors!

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 80146 since 04 February 2021
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Editor-in-Chief **Pavel L. Karabuschenko**
Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University, Russia

Editorial Team **Leonid Ya. Podvoisky**
(Responsible Editor), PhD, Associate Professor,
Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Maria M. Bicharova
PhD, Associate Professor, Caspian Institute
of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia

Ekaterina V. Gainutdinova
PhD, Associate Professor,
Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia

Irena V. Lebedeva
PhD, Associate Professor, Caspian Institute
of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia

Editorial Board **Arushan A. Vartumyan**
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia

Nikolay V. Grishin
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia

Elena E. Zavyalova
Dr. Habilitatus in Philology, Professor,
Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Gennady V. Kosov
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
Sevastopol State University. Sevastopol, Russia

Victor P. Mokhov
Dr. Habilitatus in History, Professor,
Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia

Evgeny N. Moschelkov
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Larissa I. Nikovskaya
Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPА. Moscow, Russia

Alexander V. Ponedelkov

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute – a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEP). Rostov-on-Don, Russia

Ravil G. Rezakov

Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia

Maria M. Fedorova

Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Alexander N. Chumakov

Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Elena V. Khlyshcheva

Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia

Главный редактор **Павел Леонидович Карабущенко**
д. филос. наук, профессор,
Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Редакция **Леонид Яковлевич Подвойский**
(ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент,
Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Мария Михайловна Бичарова
канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного
транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия

Екатерина Валерьевна Гайнутдинова
канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный техниче-
ский университет. Астрахань, Россия

Ирэна Валерьевна Лебедева
канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного
транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия

Редакционный совет **Арушан Арушанович Вартумян**
д. полит. наук, профессор,
Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия

Николай Владимирович Гришин
д. полит. наук, профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Елена Евгеньевна Завьялова
д. филол. наук, профессор,
Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Геннадий Владимирович Косов
д. полит. наук, профессор,
Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия

Виктор Павлович Мохов
д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет. Пермь, Россия

Евгений Николаевич Мощелков
д. полит. наук, профессор, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Лариса Игоревна Никовская
д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт
социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия

Александр Васильевич Понеделков

д. полит. наук, профессор, Южно-Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия

Равиль Гарифович Резаков

д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия

Мария Михайловна Федорова

д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия

Александр Николаевич Чумаков

д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Елена Владиславовна Хлыщева

д. филос. наук, профессор,
Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

CONTACTS

Founder Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address 6zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief Pavel L. Karabuschenko

Email elitologyjournal@gmail.com

CEO Rastyam T. Aliev

Email rastaliev@gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40
Главный редактор	Павел Леонидович Карабущенко
Email	elitologyjournal@gmail.com
Дирекция журнала	Алиев Растям Туктарович
Email	rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов

Elitological Culture Issues in the Work of Georgy Petrovich Fedotov

Anna P. Romanova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: [aromanova_mail\[at\]mail.ru](mailto:aromanova_mail@mail.ru)

Abstract

There are many great names in the history of philosophy that are closely associated with the theme of the elitological culture (Plato, F. Nietzsche, N.A. Berdyaev et al.). These include works of the outstanding Russian philosopher and publicist G.P. Fedotov, who left behind a rich creative heritage. Unfortunately, the modern study of elites devotes little attention to this author and the topic he raised. Therefore, partly compensating for this disadvantage, in this study, we intend to outline those key points of his work that are of high interest for elitological research. First of all, we are talking about such problems as the meaning of Russian history, the bases of patriotism, the canons of the elitological culture, the issue of holiness. Critical assessments of the political reality of the historical era of G.P. Fedotov turn out to be very topical for today. Nowadays, many of the author's conclusions sound new and relevant. They should be listened to all the more, because they come from a person who deeply knows the problem of the spiritual life of his motherland in the context of world history.

Keywords

Elitological culture; values; holiness; patriotism; fate of Russia; hagiography; love; freedom.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Проблема элитологии культуры в творчестве Георгия Петровича Федотова

Романова Анна Петровна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: [aromanova_mail\[at\]mail.ru](mailto:aromanova_mail@mail.ru)

Аннотация

В истории мировой философии есть немало великих имен, которые прочно ассоциируются с темой элитологии культуры (Платон, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев и др.). К их числу относится и творчество выдающегося русского философа и публициста Г.П. Федотова, оставившего после себя богатое творческое наследие. К сожалению, в рамках современной элитологической науки этому автору и поднятой им теме уделяется мало внимания. Поэтому отчасти компенсируя этот недостаток, в настоящем исследовании мы намерены наметить те узловые пункты его творчества, которые имеют повышенный для элитологических исследований интерес. Речь, прежде всего, идет о таких проблемах, как смысл русской истории, основы патриотизма, каноны элитологии культуры, проблема святости. Критические оценки политической действительности исторической эпохи Г.П. Федотова оказываются весьма актуальными и для сегодняшнего дня. И в наше время многие сделанные им тогда выводы, звучат свежо и актуально. И к ним тем более следует прислушаться, что они идут от человека, глубоко знающего проблему духовной жизни своего Отечества в контексте всемирной истории.

Ключевые слова

Элитология культуры; ценности; святость; патриотизм; Судьба России; агиография; любовь; свобода.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В философском наследии известного русского историка, философа, публициста и религиозного мыслителя Георгия Петровича Федотова (1886 – 1951) обнаруживается целый пласт элитологического материала, который нуждается в системном анализе и адаптации к канонам и нормами современной элитологической науки. Оставляя в стороне биографические данные его жизни, мы сосредоточим свое внимание исключительно на его творчестве, особенно на тех работах, где речь касается элиты и элитности.

В советский период его работы не были признаны, поскольку его взгляды расходились с политическими взглядами тогдашней коммунистической власти. Интерес к нему проснулся уже в постсоветский период, когда до научной общественности дошли его работы, ставшие самым настоящим бестселлером 1990-х гг. В его творческом наследии совмещаются и работы по истории философии, и современной ему политики, и по вопросам религиозного мышления. Именно анализу этого творческого наследия Георгия Петровича и будет посвящена настоящая статья.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования творчества Г.П. Федорова явно недостаточны, для полноценной оценки его философского и публицистического наследия (Сербиненко, 1991; Зайцева, 2001; Иванова, 2001; Волкова, 2004; Киселев, 2004 и др.). Поэтому любая работа по данной теме всегда будет выявлять новые страницы его творчества, и расставлять новые акценты в его оценках. В своем исследовании мы намерены именно с элитологических позиций осветить и оценить деятельность этого самобытного автора, который должен занять достойное место в числе российских классиков элитологической мысли XX столетия.

Судьба России и всемирная история

В работе «Россия, Европа и мы» философ признавал и настаивал на единой христианской природе европейской цивилизации. При этом он особенно подчеркивал, что ее важнейшей составной частью является именно российская ветвь: «надо приучиться видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадёжно нашего двойного опыта» (Федотов, 1991, стр.276–303). Только при таком объективном взгляде на всемирную историю мы получаем адекватные ее оценки и выводы.

Прологом русской истории является киевский период, в котором тесным образом переплетаются варяжские и византийские элементы. Все принимавшие участие в создании древнерусского государства этносы активно и успешно обрусели (Федотов, 1927, стр.152). Они слились воедино, составив ядро будущей Российской империи. Пышность «Цареградского двора» вплоть до петровской эпохи формировали в русском народе представления о высшей власти и ее историческом предназначении. «Великолепный Киев XI–XII веков,

восхищавший иноземцев своим блеском и нас изумляющий останками былой красоты, — Киев создавался на византийской почве. Это, в конце концов, греческая окраина» (Федотов, 1927, стр.153).

Георгий Петрович выступает в роли одного из самых жестких обличителей роли царя Петра I. У него он представлен как великий разрушитель, а не созидатель. «Сейчас мы с ужасом и отвращением думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа. Церковь ограблена, поругана, лишена своего главы и независимости». Епископские кафедры раздаются протестантствующим царедворцам, веселым эпикурейцам и блюдолизам. К надругательству над церковью и бытом прибавьте надругательство над русским языком, который на полстолетия превращается в безобразный жаргон. Опозорена святая Москва, ее церкви и дворцы могут разрушаться, пока чухонская деревушка обстраивается немецкими палатами и церквями никому неизвестных, календарных угодников, политическими аллегориями новой Империи. Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра. «Далеко щенкам до льва». (Федотов, 1927, стр.160-161). В общем и целом он здесь выступает с позиции защиты Московской Руси от Имперской России. И именно заложенный в этой империи при ее основании грех в конечном счете и погубил ее, с его точки зрения.

Крушение самой российской империи стало следствием разрыва связей между русской властью и русским народом. В годы Первой мировой войны русский солдат утратил желание защищать самодержавие и свою страну. И виновницей в этом была сама царская власть: «За гнилой властью, за бедной техникой мы увидели народ, который отказался защищать родину» («Защита России») (Федотов, 1992, стр.122-125). Из русского богобоязненного народа произошло «выветривание патриотизма», который выродился и переродился в уже «советский патриотизм». Общий вывод – царской власти не хватило креативного начала для того, чтобы справиться с чудовищным вызовом своей исторической эпохи. Поэтому эта элита была вынуждена уйти со страниц мировой истории.

В не меньшей мере его волновало и современное ему политическое бытие России. Годы расцвета его творчества приходятся на великую русскую революцию и сталинизм. В статье «Сталинокрапия» Г.П. Федотов особенно подчеркивал «предельно низкий культурный уровень» самого главного человека СССР – И.В. Сталина, который подстраивал под себя всю политическую и культурную систему страны Советов (Федотов, 1991, стр.83-97). Он задавался естественным вопросом: «... как воссоздать в России тот разрушенный революцией культурный слой, который был способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа?» («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр.188-205). Но самое главное, по мнению Георгия Петровича, было то, что в советском

обществе подавлены все базовые нормы гуманизма – свободы и духовной жизни (Федотов, 1992, стр.98-102). Именно это вызывало у него наибольшее возражение и возмущение.

Саму Советскую власть он оценивает как вершину политического аморализма. Именно в эпоху сталинизма в СССР ложь перестала восприниматься и оцениваться как нечто непозволительное (хотя, ради справедливости, стоит сказать, что и при царизме ее тоже хватало, особенно в высших эшелонах власти!). Но при сталинизме ложь становится нормой политического бытия правящей элиты. Она превращается в некую «всеобщую повинность», которая до основ развращает не только власть, но и весь народ («Тяжба о России») (Федотов, 1992, стр.103-121). В силу этого власть в СССР на деле не может отождествляться с народом, хотя на словах она постоянно с ним. Но это тождество формально, а потому саморазрушительно. И это рассогласование является самым трагическим в новейшей российской истории. Преодоление этой катастрофы будет возможным при возвращении России к своим дореволюционным культурным ценностям. И, по его мнению, это возвращение рано или поздно, но состоится.

Неожиданно в его творчестве всплывает тема мещанства. Если в традиции русской классической литературы было критиковать мещанство и мещанский образ жизни, то у Г.П. Федотова мы находим некоторое его оправдание. «Социалистическому обществу не удалось избежать своего мещанства. Оно выполняет даже положительную морально-санитарную роль ...» (Федотов, 1992, стр.98-102). Одна форма «социалистического мещанства» проявлялась в частичной реставрации дореволюционного быта. В психологическом состоянии этого типа обнаруживается аполитичность, что уже рассматривается им как внутреннее сопротивление советской власти. Натяжка слабая, но в те годы русской эмиграции приходилось хвататься за любую соломинку.

Во время Г.П. Федотова весь мир ополчился против Советской России. Ей угрожали по самому факту ее существования. Но именно это враждебное окружение формирует стойкий политический характер России, ее несгибаемую волю. Будучи в эмиграции Георгий Петрович все равно оставался русским патриотом и верил в будущее своей покинутой Отчизны.

Проблема русского патриотизма

Философ не мог пройти мимо такой важной для себя темы, как патриотизм. Эта тема напрямую связана с проблемой ценностей, которые составляют системную основу любой нации. Именно в патриотизме мы обнаруживаем следы исторического творчества народа, которые выражаются в исторической мифологии его жизни, как важнейшего компонента национального сознания («Судьба империй») (Федотов, 1992, стр.304-326). В Советской России зародился патриотизм иного рода, вызванный необходимостью сталинской мобилизации сопротивления к внешнему врагу («Культурные сдвиги») (Федотов, 1992, стр.98-

102). И действительно необходимость защиты своего Отечества привела советского человека к обретению подлинной ценности - любви к России. Эта любовь особенно ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны: «... война разбудила ключи дремавшей нежности - к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата» («Россия и свобода») (Федотов, 1992, стр. 276-303). Именно в этой любви он видел возрождение национального сознания России. Советской России как раз и не хватало такой национальной и религиозной самоидентификации. И этот «новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России» («Защита России») (Федотов, 1992, стр. 122-125).

Георгий Петрович отмечал, что в имперской России представления о свободе личности не получили должного распространения. Для большей части населения свобода не стала элементом ее системы ценностей. Поэтому именно свобода стала первой жертвой в годы революционного эксперимента. «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству» («Россия и свобода») (Федотов, 1992, стр. 276-303). Но и сама революция никогда не декларировала свободу в качестве своих главных ценностей и не выносила её в качестве самостоятельной величины. «Свобода никогда не была основной темой русской революции», - подчёркивал учёный («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр. 188-205). Причем такая формальная свобода не имеет «никакого отношения к свободе мысли, слова, культуры» («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр. 188-205).

Г.П. Федотов был подлинный русским европейцем. В этой связи он утверждал, что любой разрыв связей России и Европы будет губительным для них обоих. Философ настаивал: «... как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы» («Федерация и Россия») (Федотов, 1992, стр. 228-232). В единстве России и Европы он усматривал мир и порядок, которые способны предотвратить новую мировую войну. Вторая мировая война им мыслилась как второй акт Первой мировой. Поэтому, только сохраняя единство России и Европы, мир может обезопасить себя от Третьей мировой войны. Звучит весьма актуально и в наше время.

Проблема элитности в культуре

Тема культурной элитности весьма часто встречается в работах Георгия Петровича. Она его интересовала, и он постоянно возвращается к ней в целом ряде своих работ. Иногда эта тема идет попутно с другими, но есть и специальные работы, в которых она является главной темой.

Заглядывая вглубь российской истории, Г.П. Федотов замечает, что уже в киевский период отечественная культура носила аристократический характер: «Киевская культура аристократична. Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы из княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее в

народной среде протекает страшно медленно, но органично и непрерывно. Конечно, это только прививка на грубом славянском дичке, но он весь перерождается под действием прививки. И эта органичность вполне понятна. Новое не ложится поверхностным слоем, «культурным лоском», поверх старого быта. Оно завоевывает, прежде всего, сердцевину народной жизни — его веру. Здесь нет сомнений и разлада. Суеверия, обвивающие веру, не разлагают ее. И вера освящает всю культуру, всю книжную мудрость, которая идет за ней» (Федотов, 1927, стр.153). Именно через культурные ценности спланивалась Русь и как государство, и как общество, и как церковь. Причем ни государство, ни церковь никогда не отрывались от своего народа, составляя с ним единое целое.

Вместе с тем, Георгий Петрович отмечает, что в развитии Руси большое значение имело именно творческое начало. В этой связи он отмечает, что «Москва для нас имя, покрывшее всю северную Русь. «В нее, как в озеро, во внутреннее море (вроде Каспия) вливались все ручьи, пробившиеся в северных мшистых лесах». Теперь мы знаем, что главное творческое дело было совершено Новгородом. Здесь, на севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии, и, не прерывая религиозно-культурной связи с ней, творит свое — уже не греческое, а славянское, или, вернее, именно русское — дело. Только здесь Русь откликнулась христианству своим особым голосом, который отныне неизгладим в хоре народов-ангелов. «Мы знаем с недавних пор, где нужно слушать этот голос. В церковном зодчестве, деревянном и каменном, в ослепительной новгородской иконе, в особом тоне святости северных подвижников. Без ложной гордости мы говорим теперь о гениальности древнего русского искусства и, не колеблясь, отдаем ему предпочтение перед искусством западного средневековья и Возрождения». Не столь явен для всех голос святости. И это отчасти потому, что расслышать его отчетливо удастся лишь в XIX веке» (Федотов, 1927, стр.154-155).

Давая анализ состояния духовной культуры в современной ему Советской России, философ как раз и затронул тему соотношения массового и элитарного. В частности, Георгий Петрович констатировал неуклонный рост в Советской России динамики интереса к культурным ценностям прошлого. Этот рост сопровождался весьма успешной политикой широкого народного просвещения, меняющего к лучшему глубинные устои массового сознания русского народа. Но если до революции русская культура носила преимущественно элитарный (дворянский) характер, то после наметилась тенденция к преодолению этого элитарного отрыва («Завтрашний день (Письма о русской культуре)») (Федотов, 1992, стр.188-205). В Советской России начался процесс демократизации, которая осуществляется весьма высокими темпами. Все это указывает на стремительное приближение России к европейским стандартам образованности населения. В этом он видел основу социокультурной модернизации общества. И только в этом он усматривал главное достижение русской («пролетарской») революции (Федотов, 1992, стр.233-252).

С темой элитологии культуры тесно связана и тема судьбы русской интеллигенции. Уже в самом этом термине («интеллигенция») философ усматривает некую зашифрованную элитарность. «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства, тоже не сводимого к классовой, феодально-военной группе, хотя и связанного с ней, как интеллигенция связана с классом работников умственного труда. Что же, быть может, интеллигенция – избранный цвет этих работников, людей мысли по преимуществу? И история русской интеллигенции есть история русской мысли, без различия направлений?» (Федотов, 1927, стр.148).

Такими людьми движут идеалы. Они имеют четкую систему ценностей, которые и управляют их жизнью. Георгий Петрович прямо об этом пишет: «У всех этих людей есть идеал, которому они служат и которому стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику, и общественное поведение; идеал, практически заменяющий религию (у Чаадаева и некоторых других, впрочем, связанный с положительной оценкой религией), но по происхождению отличный от нее. Идеал коренится в «идее», в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно прилагателем к жизни, как ее норма и канон. Эта «идея» не вырастает из самой жизни, из ее иррациональных глубин, как высшее ее рациональное выражение. Она как бы спускается с неба, рождаясь из головы Зевса, во всеоружии, с копьем, направленным против чудовищ, порождаемых матерью-землей. Афина против Геи – в этом мифе (отрывок гигантомахии) смысл русской трагедии, т.е. трагедии русской интеллигенции» (Федотов, 1927, стр.148-149). Именно высокая идейность и преданность своим идеалам и ценностям отличают в заметную сторону русскую интеллигенцию, создавая вокруг нее ореол некоего «избранного» ордена.

Именно «система истин» ведет русскую интеллигенцию по жизненным дорогам и тропам. Причем здесь Г.П. Федотову приходится сравнивать интеллигенцию и святость: «Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость – этически, с изгнанием всех иррациональных, мистических или жизненных основ религии. Догмат определяет характер поведения (святость), но сама святость сообщает системе «истин» характер догмата, освящая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система обыкновенно неспособна развиваться. Она гибнет насильственно, вытесняемая новой системой догм, и этой гибели идей обыкновенно соответствует не метафорическая, а буквальная гибель целого поколения. Святые неизбежно становятся мучениками» (Федотов, 1927, стр.150). Сам Георгий Петрович весьма критически относился к русской интеллигенции, полагая, что в ней таится больше демо-

нического, чем святого.¹ Таких он называет «отщепенцами» (русской щепой): «Не привлекательны первые «интеллигенты», первые идейные отщепенцы русской земли. Что характеризует их всех, так это поверхностность и нестойкость, подчас моральная дряблость. Чужая культура, неизбежно воспринимаемая внешне и отрицательно, разлагала личность, да и оказывалась всего соблазнительнее для людей слабых, хотя и одаренных, на их несчастье, острым умом» (Федотов, 1927, стр.159).

Для элитологии творчества одной из важнейших тем является тема анализа природы религиозной святости. Г.П. Федотов является одним из классиков исследования этой проблемы. Его работа не утратила своей актуальности и по сей день. И сегодня мы обращаемся к нему, как к признанному, глубокому специалисту в сфере агиографии и истории православия.

Особенности русского религиозного сознания

Святость является важнейшей религиозной ценностью. И на Руси эта ценность всегда была на первом месте. Ее всегда оценивали как важнейший элемент русского национального самосознания, как важнейший элемент идентичности Руси/России. Центральным же компонентом русского религиозного сознания является признание страдания как «высшего нравственного критерия, как почти абсолютной нравственной вершины» («Русская религиозность») (Федотов, 2001). Именно нравственное начало заметно выделяет национальное самосознания России, делает её более устойчивой к внешним вызовам и внутренним угрозам.

Русская святость трудно выразима, поскольку она идет из корней самой жизни. «Но самая постановка этого вопроса возможна лишь благодаря страшной немоте древней Руси. Она так скупа на слова и так косноязычна. Даже образы своих святых она не умеет выразить в их неповторимом своеобразии, в подлинном, русском их лике, и заглушает дивный колос плевелами переводного византийского красноречия, пустого и многословного. Не в житиях находим ключ к ним, а в живой, современной, часто народной (даже апокрифической) традиции» (Федотов, 1927, стр.156).

1 Свою критику он выразил в следующем своем пассаже: «Интеллигенция? Знаете ли, кто первые русские интеллигенты? При царе Борисе были отправлены за границу — в Германию, во Францию, в Англию — 18 молодых людей. Ни один из них не вернулся. Кто сбежал неведомо куда, — спился, должно быть, — кто вошел в чужую жизнь. Нам известна карьера одного из них — Никанора Олферьева Григорьева, который в Англии стал священником реформированной церкви и даже пострадал в 1643 году от пуритан за свою стойкость в новой вере. Не будем торопиться осуждать их. Несомненно, возвращение в Москву означало для них мученичество. Подышав воздухом духовной свободы, трудно добровольно возвращаться в тюрьму, хотя бы родную, теплую тюрьму. Но нас все же поражает эта легкость национального обезличения: раствориться в чужеземной стихии, без борьбы, без вскрика, молча утонуть, словно с камнем на шее! Этот факт сам по себе обличает породившую его культуру и грозно предупреждает о будущем» (Федотов, 1927, стр.158-159). Это предупреждение остается актуальным и в наши дни. И сегодня многие представители т.н. «интеллигенции» предпочитают «предавать» Россию, слепо поклоняясь Западу. И само это предательство, видимо, заложено в самой их природе...

Тема агиографии красной нитью проходит через все творчество Георгия Петровича. Свой фундаментальный труд по истории русской святости «Святые Древней Руси» (1931), он начинает со следующего признания: «Изучение русской святости в ее истории и ее религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения. В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры» (Федотов, 1990, стр.27). Г.П. Федотов очень тонко чувствует особенности русской агиографии. Им постоянно подчеркивается ее связь с жизнью конкретного святого. И всякий шаг в сторону от этой красной линии означает ослабление адекватного понимания сущности ее природы.

В отличие от западной традиции, русская агиография имеет целый ряд своих особенностей. «В православии преобладает традиционное, общее. Но это общее дано не в безликих схемах, а в живых личностях. Мы имеем свидетельства о том, что иконописные лики многих русских святых в основе своей портретны, хотя и не в смысле реалистического портрета. Личное в житии, как и на иконе, дано в тонких чертах, в оттенках: это искусство нюансов. Вот почему от исследователя требуется здесь гораздо больше острого внимания, критической осторожности, тонкой, ювелирной акрибии, чем для исследователя католической святости. Тогда лишь за типом, «трафаретом», «штампом» встанет неповторяемый облик» (Федотов, 1990, стр.28).

Русское понимание святости базируется на любви и свободе духа. Русская агиография есть важнейший источник духовной жизни. И этот духовный опыт не всегда находит выражение в виде агиографических памятников. В этой связи Г.П. Федотов был вынужден констатировать, что «безмолвная «святая Русь», в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном, о своем религиозном опыте» (Федотов, 1990, стр.33).

Важным элементом в утверждении святости является акт канонизации, т.е. официального признания церковью святости. «Канонизация есть установление Церковью почитания святого. Акт канонизации – иногда торжественный, иногда безмолвный – не означает определения небесной славы подвижника, но обращается к земной церкви, призывая к почитанию святого в формах общественного богослужения. Церковь знает о существовании неведомых святых, слава которых не открыта на земле. Церковь никогда не запрещала

частной молитвы, т.е. обращения с просьбой о молитве к усопшим праведникам, ею не прославленным. В этой молитве живых за усопших и молитве усопшим, предполагающей ответную молитву усопших за живых, выражается единение Церкви небесной и земной, то «общение святых», о котором говорит «апостольский» символ веры. Канонизованные святые представляют лишь четко, литургически очерченный круг в центре Небесной Церкви» (Федотов, 1990, стр.33).

Для русской агиографии, по мнению Г.П. Федотова, характерна строгость и трезвость в оценках описываемой ею святости. «Русские жития святых отличаются большою трезвостью. Когда у агиографа не хватало точных преданий о жизни святого, он, не давая воли своему воображению, обыкновенно развивал скудные воспоминания «риторическим плетением словес» или вставлял их в самую общую, типическую рамку соответствующего агиологического чина. Сдержанность русской агиографии особенно бросается в глаза в сравнении с средневековыми житиями латинского Запада. Даже необходимые в житии святого чудеса даны очень скупо как раз для самых чтимых русских святых» (Федотов, 1990, стр.223). Адекватность – вот что характеризует русскую агиографию. В ней нет места для авторской фантазии или народного фольклора, которые часто приписывают святым то, чего с ними никогда не было и тем самым искажают историческую картину их жизни. Ценность (элитность) агиографии в заключающейся в ней правде. И хотя порой фольклор и проникает в текст агиографической литературы, эти народные фантазии идут от большой любви и не таят в себе никакого злого умысла. Житие может содержать некие легендарные фрагменты, но в целом они не влияют на достоверность описываемой в них святости (Федотов, 1990, стр.231).

В особенностях русской святости Г.П. Федотов отмечает: «Первое и последнее впечатление, которое остается при изучении этой святости – ее светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от завещанного древностью христианского идеала. В монашестве почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний. Господствующая аскеза русских святых – пост и труд. Оттого постничество и трудничество, наряду с подвижничеством, суть русские переводы не привившегося у нас слова «аскеза»». (Федотов, 1990, стр.235). Именно эта связь с идеалами раннего христианства заметно отличает русскую святость от ее католических аналогов. «В своей трудовой аскезе русский святой не отвергает и книжного труда: нередко своей рукой переписывает необходимые для церкви списки богослужебных и учительных книг. Уважение к духовному просвещению было велико – и у святого и у его биографов. Но лишь немногие достигали учености – как Авраамий Смоленский, Стефан Пермский, Дионисий Троицкий: еще реже видим настоящих духовных писателей среди русских святых: в сущности мы могли бы назвать всего два имени: Иосифа и Нила...» (Федотов, 1990, стр.236).

Георгий Петрович ограничивает свое исследование древнерусской святости началом синодального периода в русской православной церкви.

Синодальная эпоха несла иные каноны понимания святости, которые не всегда встраивались в древнерусскую церковную традицию. «Для последних столетий русской церкви можно изучать историю духовной жизни, историю праведности, – но пока еще не историю святости» (Федотов, 1990, стр.234). Таков был неутешительный его диагноз последних веков русской святости. Но последнее ничуть не умаляет его достоинства. Напротив, оно подчеркивает всю сложность и многогранность этого описанного и проанализированного им явления.

Философ указывает на многообразие религиозного опыта, приводящего к состоянию святости. «Возрождение духовной жизни в России принесло не только оживление старого опыта, но и совершенно новые на Руси формы святости. Такими следует признать старчество, как особый институт преемственности духовных даров и служения миру; духовную жизнь в миру, в смысле монашеского делания, соединяемого с мирянским бытом и, наконец, священническую святость, питаемую мистическим опытом Евхаристии и духовничества» (Федотов, 1990, стр.239-240). Еще больше святых России претерпели гонения в годы революции и советской власти. «Революция, сжигающая в огне грехи России, вызвала небывалое цветение святости: святость мучеников, исповедников, духовных подвижников вмиру» (Федотов, 1990, стр.240). Жестокие расправы воинствующего атеизма над верующими дали Русской Православной Церкви новое великое поколение святых, претерпевших за свою веру. И это еще одна страница в Отечественной истории святости, которую уже предстоит написать новым поколениям российских исследователей элитологии культуры.

Заключение

Для современной элитологии творчества, поднятые Г.П. Федотовым темы и проблемы представляют особую научную ценность. Мы видим самобытную и весьма объективную оценку рассматриваемых им вопросов. Оценку, которая в общем и в целом не вызывает у нас серьезных критических возражений. В работах Г.П. Федотова мы не найдем идеологических утверждений, которые бы не были подкреплены серьезными доводами. Он вообще не терпит голословных утверждений. Все, что им утверждается, имеет весьма серьезное осмысление и глубокий анализ. Он всегда действует с опорой на историю и философию. И это единство приносит весьма ощутимые результаты в деле анализа культурных ценностей и человеческого капитала.

Многие его выводы звучат в наше время как пророчества. Они сохраняют свою актуальность и приходится просто удивляться, как ему удалось прийти к прозрениям подобного рода, во времена, когда эти тенденции будущего были еще не видны и не поняты. В этом, по всей видимости, и заключается природа гениального человека, который способен заглядывать за горизонт событий и понимать еще несостоявшееся будущее. Именно у таких людей мы и должны учиться...елом

Список литературы

- Волкова Е.А. (2004). Исторические взгляды и политическая деятельность Г.П. Федотова в «парижский период» (1925 –1940 гг).
- Зайцева, Н. В. (2001). Логика любви: Россия в историософской концепции Г. Федотова. Самарский ун-т.
- Иванова Т.В. (2001). Проблема свободы в историософских воззрениях Г. П. Федотова.
- Киселёв А.Ф. (2004). Страна грёз Георгия Федотова. Размышления о России и революции. Логос.
- Сербиненко В.В. (1991). Оправдание культуры: Творческий выбор Г. Федотова. Вопросы философии, 8, 41–53.
- Федотов Г.П. (1927). Трагедия интеллигенции. Версты, 2, 145–184.
- Федотов Г.П. (1990). Святые Древней Руси. «Московский Рабочий».
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т (В. Ф. Бойкова., Ред.; Т. 1). София.
- Федотов Г.П. (1992). Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т: Т. 2 (В. Ф. Бойкова, Ред.). София.
- Федотов Г.П. (1994). О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. Ст (с. 151). Изд-во С.-Петербур. ун-та.
- Федотов Г.П. (2001). Русская религиозность Ч. 1. Христианство Киевской Руси: Т. 10 (с. 382). SAM and SAM.

References

- Fedotov G.P. (1927). Tragedy of the intelligentsia. Versts. 1927 (2, p. 145–184). (In Russian)
- Fedotov G.P. (1990). Saints of Ancient Russia, M.: «Moscow Worker» (p. 269). (In Russian)
- Fedotov G.P. (1991). Fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes: T. 1 (V. F. Boikov, Ed.; p. 350, 2). Sofia. (In Russian)
- Fedotov G.P. (1992). Fate and sins of Russia: Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes: T. 2 (V. F. Boikov, Ed.; p. 348, 4). Sofia. (In Russian)
- Fedotov G.P. (1994). About holiness, intelligentsia and Bolshevism: Fav. Art (p. 151). Publishing House of St. Petersburg. un-ta. (In Russian)
- Fedotov G.P. (2001). Russian religiosity Part 1. Christianity of Kievan Rus. Collected works in 12 volumes: T. 10 (p. 382). SAM and SAM. (In Russian)
- Ivanova T.V. (2001). The problem of freedom in the historiosophical views of GP Fedotov. (In Russian)
- Kiselev A.F. (2004). Land of Dreams by Georgy Fedotov (Reflections on Russia and the Revolution (p. 324). Logos. (In Russian)
- Serbinnenko V.V. (1991). Justification of culture: G. Fedotov's creative choice Questions of Philosophy (Выпуск 8, p. 41–53). (In Russian)
- Volkova, E. A. (2004). Historical views and political activities of G.P. Fedotov in the Paris period. (In Russian)
- Zaitseva N.V. (2001). Logic of love: Russia in the historiosophical concept of G. Fedotov (p. 243). Samara University. (In Russian)

Interconfessional Dialogue and its Elitological Dimension

Alexander P. Glazkov

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Email: [alpglazkov\[at\]yandex.ru](mailto:alpglazkov[at]yandex.ru)

Abstract

In the article, based on the philosophical understanding of the dialogue, an attempt is made to consider the peculiarity of interfaith dialogue from the position of an elitist approach. It is recognized that the leading topic of inter-confessional dialogue is the establishment of mutual understanding and cooperation. The dialogue between confessions provides a full range of non-religious relations, which concerns cultural relations and social ties.

The essence of the interfaith dialogue is the meeting of various confessions and the coordination of positions on problematic issues of the life of society. These positions are conditioned by the religious attitudes of confessions. A dialogue is a meeting during which common views on the challenges and problems faced by confessional organizations are clarified, what joint actions can be counted on in the future, and interfaith consent is established. In this way, there is a harmonization of interfaith relations, the agreement of the rules of the hostel, based on equality and fair treatment of each other. To coordinate positions and develop a common understanding of the problems. In this sense, interfaith dialogue can be viewed as a factor in strengthening the integrity and unity of society.

One of the motives of interfaith dialogue is to learn the positions and values of another religion, correlate them with their own and determine their correlation and consequences, such as religious-spiritual, cultural, social, political. In accordance with the analysis of these consequences, further relations are being built. Dialogue is an effective means of preventing and resolving interfaith conflicts. As a rule, the conflict situation in non-confessional relations is built according to the scheme of friendfoe. Reaching agreement between confessions, which is ensured by the proximity of basic moral and spiritual religious values, establishes peace in society and defines possible areas of cooperation.

On religious issues, religious issues, the dialogue within the country between confessions should be aimed not at bringing dogmas closer together, but at clarifying them. The article emphasizes the high role and importance of elites in establishing interfaith dialogue. The task of elite is to preserve the essence of your own religious views unchanged and at the same time create a situation of peace and cooperation on real social problems.

Keywords

Dialogue; interfaith dialogue; interfaith relations; elitist approach; dialogue space; interfaith harmony; interreligious relations; conflict; cooperation of confessions.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Межконфессиональный диалог и его элитологическое измерение

Глазков Александр Петрович

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Email: [alpglazkov\[at\]yandex.ru](mailto:alpglazkov[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье, опираясь на философское понимание диалога, предпринимается попытка рассмотреть особенность межконфессионального диалога с позиции элитологического подхода. Признается, что ведущей темой межконфессионального диалога является установление взаимопонимания и сотрудничества. Диалог между конфессиями обеспечивает весь спектр отношений нерелигиозного характера, который касается культурных отношений и социальных связей.

Суть межконфессионального диалога – встреча различных конфессий и согласование позиций по проблемным вопросам жизнедеятельности общества. Эти позиции обусловлены религиозными установками конфессий. Диалог – это встреча, во время которой происходит выяснение общих взглядов на вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются конфессиональные организации, на какие совместные действия можно рассчитывать в будущем, устанавливается межконфессиональное согласие. Таким образом происходит гармонизация межконфессиональных отношений, согласование правил общежития, основанных на равенстве и справедливом отношении друг к другу. Согласовать позиции и выработать общее понимание проблем. В этом смысле межконфессиональный диалог может рассматриваться как фактор укрепления целостности и единства социума.

Один из мотивов межконфессионального диалога – узнать положения и ценности другой религии, соотнести их со своими и определить их соотношение и последствия, такие как религиозно-духовные, культурные, социальные, политические. В соответствии с анализом этих последствий выстраиваются дальнейшие отношения. Диалог является эффективным средством профилактики и разрешения межконфессиональных конфликтов. Как правило, конфликтная ситуация в межконфессиональных отношениях выстраивается по схеме «свой-чужой». Достижение согласия между конфессиями, которое обеспечивается близостью основных нравственных и духовных религиозных ценностей, устанавливает мир в обществе и определяет возможные сферы сотрудничества.

По религиозным вопросам, вопросам вероисповедания, диалог внутри страны между конфессиями должен быть направлен не на сближение догматов, а на их разъяснение. В статье подчеркивается высокая роль и значение элит в установлении межконфессионального диалога. Задача элиты сохранить в неизменном виде суть собственных религиозных воззрений и вместе с тем создать ситуацию мира и сотрудничества по реальным социальным проблемам.

Ключевые слова

Диалог; межконфессиональный диалог; межконфессиональные отношения; элитологический подход; пространство диалога; межконфессиональное согласие; межрелигиозные отношения; конфликт; сотрудничество конфессий.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Россия является сложной по своему составу страной, состоящей и множества социальных групп, религий, конфессий, этносов. Поэтому установление и поддержание мира и согласия между различными сообществами российского гражданского общества является одним из важнейших направлений внутренней политики государства. Современные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Россия, затрагивающие самые разные сферы жизнедеятельности, требуют сплочения и консолидации всего многонационального и многоконфессионального российского народа.

Конфессиональные сообщества составляют одну из значимых страт российского социума. Отношения, в которые вступают конфессиональные организации, охватывают самые разные виды общественной деятельности. Участники этих отношений могут различаться по своим социальным интересам, теологическим взглядам, мировоззренческим установкам. Как пишет К.А. Багаева, «Межконфессиональные отношения – это отношения межгрупповые, поэтому они являются отношениями между религиозными группами и организациями. Интересной особенностью данных отношений является то, что они могут существовать наряду с отношениями трудовыми, производственными, межэтническими, межнациональными, межклассовыми. Поэтому они могут возникать, соответственно, в рамках, например, одной трудовой группы, в которой есть представители разных конфессий» (Багаева, 2018, стр.25). Значение межконфессиональных отношений обуславливается их принадлежностью двум сферам – духовной и социальной. Духовная сфера – это сфера самосознания и культуры. В этой сфере центральным элементом являются религиозные установки и взгляды. Вместе с тем конфессиональное сообщество представляет собой социальную группу, которая имеет свои социальные интересы, определённую внутреннюю организационную сплоченность и духовное мировоззренческое единство.

Взаимоотношения между конфессиями имеют различные измерения. Государство устанавливает нормативную основу реализации межконфессиональных отношений на официальном уровне. В условиях равенства всех конфессий перед законом причин для конфликтов в правовом поле между ними объективно не существует. Между тем при пересечении социальных интересов могут возникать ситуации конфликтного характера по самым различным вопросам и возникающим проблемам во всех сферах жизнедеятельности. Поэтому помимо законодательства, регулирующего деятельность различных конфессий, необходимо на уровне публичного управления и общественного взаимодействия вести постоянную и целенаправленную работу по созданию атмосферы конструктивного сотрудничества между конфессиями. Одним из эффективных способов налаживания межконфессиональных отношений является диалог.

Диалог может рассматриваться как один из способов установления взаимопонимания между различными социальными группами и сообществами и тем самым поддержания устойчивого развития в обществе. Как замечает В.В. Гайдук: «Современное диалоговое пространство является в своем выражении той структурной единицей переговорного процесса, которая имеет в своем арсенале важные основы для недопущения эскалации конфликтогенных патологий в сообществе» (Гайдук, 2015, стр.82). Диалог нацеливает на гармонизацию межконфессиональных отношений. А.А. Вилков пишет: «Важнейшее значение имеют, прежде всего, политико-правовые нормы и принципы, определяющие направленность и характер функционирования различных механизмов гармонизации этноконфессиональных отношений, под которой мы понимаем конструктивные и бесконфликтные взаимодействия различных этнических групп в рамках единого государства» (Вилков, 2016, стр.55). Диалог, который устанавливается между конфессиями, необходим по всему кругу вопросов, которые возникают в процессе взаимодействия конфессий между собой и с государством. Он обеспечивает контакты и связи, знание об участниках этих контактов, реализует стремление выстроить конструктивные отношения, оперативно решать возникающие проблемы, эффективно соединять усилия для достижения общих целей, сотрудничать в общих делах, выстраивать гармоничные отношения. Поэтому исследование различных аспектов формирования межконфессионального диалога является актуальной темой. В статье затрагивается элитологическое измерение межконфессионального диалога, исследование которого, на наш взгляд, позволяет привнести новое понимание в механизмы его формирования и расширить возможности его налаживания.

Методология

Методологическим основанием работы является представление о значимости элитологического измерения в исследовании специфики межконфессионального диалога. Такое положение обуславливается широким пониманием элитологии как науки о роли и значении элит в разнообразных общественных процессах. Элитологический подход имеет глубокую и обширную разработку в трудах Г.К. Ашина, О. В. Гаман-Голутвиной, П.Л. Карабущенко, Е.В. Охотского, А.А. Сулова и др. В данном исследовании затрагивается роль конфессиональной элиты в процессе налаживания межконфессионального диалога. Это позволяет выделить элитологический контекст управления диалогом, подчеркнуть значение элиты в выработке решений. В тоже время элитологический подход позволяет уточнить структуру ведения диалога, выделив официальный и неофициальный уровни этого диалога. На неофициальном уровне значение имеет духовная руководящая конфессией элита.

Элитологический методологический подход нацелен на выявление роли и значения элит в том или ином социальном процессе. В данном случае мы

выясняем роль и значение элит в межконфессиональном диалоге, его организации и успехе. Главное в этом подходе к межконфессиональному диалогу это своего рода противопоставление должного управления подготовленных лидеров и простых представителей конфессии, которые могут развернуть противостояние между конфессиями.

С элитологическим подходом связан также системный и структурно-функциональный подходы, обосновывающие необходимость улучшения состояния общества. Ясна необходимость поддержания его целостности, то есть понимание необходимых функциональных задач, которые может выполнить только осознанное руководство, которое по определению способно выполнить элита. В данном случае речь идет о профессиональной элите.

Диалог и его сущность

Рассмотрим сначала, что такое диалог, и в чем заключается его сущность. Диалог как понятие может иметь различные смысловые значения. Исходный смысл слова «диалог» – это беседа. В самом общем своем значении диалог – это способ коммуникации, общения. В контексте затрагиваемой в данной работе проблематики диалог понимается как способ взаимодействия. В этом смысле диалог приобретает качество целенаправленной деятельности, усилия, которое необходимо для преодоления определенных препятствий, барьеров для установления необходимого уровня и качества отношений. С.М. Андреева и А.М. Андреева пишут: «В мире отчуждения, т.е. в нынешнем мире, люди относятся к другим, прежде всего, как к объектам, и диалог – это своего рода «прорыв» в мир иных отношений». Отношение диалога, субъект субъектное отношение, представляет собой отношение качественно разных «целостностей», взаимодействие которых рождает уже новое качество – «диалог» (Андреева & Андреева, 2015, стр.252). Диалог – это не общение ради общения, не просто обмен мнениями. Высказывание мнения может рассматриваться как элемент диалога, но сам диалог – это целенаправленное действие, которое ориентируется на практический результат. Цель диалога заключается в достижении определенного изменения. Диалог – это обращенность к другому: с вопросом, предложением, которое может быть реализовано.

Диалог возникает естественным образом в попытке решить в позитивном ключе проблему встречи с другим, иным. Воля к диалогу имеет основание в расположенности сторон к достижению согласия с «другим» и выявлении барьеров, преодоление которых устанавливает гармоничное, конструктивное сосуществование и способствует налаживанию сотрудничества в решении возникающих проблем. Как замечают С.М. Андреева и А.М. Андреева: «Диалог – это не всегда согласие, но всегда поиск согласия» (Андреева & Андреева, 2015, стр.254). Этот поиск согласия, который есть следствие определенной настроенности, уже сам по себе создает благотворную атмосферу. Это внутреннее признание «другого», заинтересованность в «другом» и возмож-

ность сближения с ним. Таким образом, диалог создает путь к единству, которое позволяет решать спорные вопросы и регулировать взаимоотношения.

Отметим также, что диалог маркирует тот способ общения, когда в другом признается личность, равная себе. Межличностный уровень общения указывает на глубину диалога. Это уровень не внешний и формальный, а глубинный, духовный, осознанный и созидающий, формирующий сознание и самосознание сторон участвующих в диалоге. Сближение на этом уровне происходит без внешнего навязывания своей воли и своего видения, без подавления одной стороны другой, без утраты сторонами идентичности и без рассмотрения другого в качестве объекта или средства.

Достижение согласия создает новое качество отношений, поднимает его на высокий уровень. Таким образом, диалог как понятие можно использовать для обозначения качественного состояния взаимоотношений, которое характеризуется стремлением обрести взаимопонимание в общем процессе общения, установлением в конечном итоге согласия. Наличие диалога является индикатором высокого уровня развитости сознания, осознанности и самосознания.

Диалог – это показатель отношения к другому человеку, проявление гуманизма, человечности в человеческом общении. Диалог содержит в себе внутреннюю готовность его участников к сотрудничеству. Он предполагает такие характерные особенности сторон как признание равноправия и уважение, искренность и доверие друг к другу. Благодаря этому, создается особое социальное пространство диалога. Пространство диалога – это пространство взаимопонимания и искреннего желания понять друг друга. Как пишут С.М. Андреева и А.М. Андреева: «Диалог есть всеобщая основа человеческого взаимопонимания» (Андреева & Андреева, 2015, стр.251). Через диалог достигается понимание другого, его идеалов, его логики. В диалоге как действии присутствует одновременно и свобода, и ответственность, качество присущее человеку как духовному существу. В этом смысле в процессе диалога раскрывается нравственный потенциал и культура личности.

Таким образом, диалог имеет онтологическое и гносеологическое измерение. По своему существу он может рассматриваться как качество бытия человека, и соответственно социального бытия. Это качество и состояние позволяет понимать друг друга и на основе этого решать и регулировать различные отношения. Е.П. Александров пишет: «Для возникновения диалога необходимы коммуникативные намерения, потребность в общении и/или наличие проблемной ситуации. Субъекты, вступающие во взаимодействие, с одной стороны, должны обладать некоторой общей основой, объединяющей их, с другой стороны – иметь и определенные различия в способах осмысления ситуации или проблемы. Диалог принципиально невозможен в ситуациях, когда позиции сторон взаимно исключают друг друга или, когда стороны не имеют общих проблем для анализа и обсуждения» (Александров, 2021, стр.52). В своем внешнем проявлении в диалоге есть также уровень соци-

альный, организационный, психологический. Элитологическое измерение диалога характеризует его качество и направленность в целом. Обеспечить его высокий уровень диалога может только элита.

Межконфессиональный диалог и его особенность

Диалог как способ взаимодействия между различными сообществами является эффективным инструментом, организующим коммуникативное поле гражданского общества. Государство может быть гарантом, обеспечивающим такой диалог и при необходимости тоже вступать в него при определенных обстоятельствах. Отличительной особенностью межконфессионального диалога заключается в составе и характере его участников. Это религиозные организации, каждая из которых имеет свои особые, основанные на догматах вероучения. Конфессиональная принадлежность предполагает религиозную систему взглядов и предопределенность в принятии решений. Поэтому духовная, а если быть точнее, религиозная составляющая такого диалога становится фактором, который необходимо учитывать.

От межконфессионального диалога необходимо отличать межрелигиозный диалог, который имеет явно выраженную теологическую направленность, когда в центре внимания оказываются религиозные догматы. Этот диалог может иметь резонанс, но он будет превращён в битву, в спор, так как декларируемая П. Тиллихом «открытость к критике собственных религиозных оснований» (Тиллих, 1995, стр.425) вряд ли будет иметь какую-либо конструктивную перспективу. В отличие от межрелигиозного диалога межконфессиональный диалог предполагает совместную позицию и сотрудничество в гражданском обществе в достижении практических целей, решение конкретной проблемы.

Диалог – это выяснение точек совпадения во взглядах на вызовы и проблемы, которые появляются на горизонте. Чтобы вступить в диалог, надо провести демаркационные линии, установить, что объединяет и что разъединяет конфессии. Точки соприкосновения и расхождения в религиозных взглядах, которые выявляются в процессе диалога между конфессиями, могут быть зафиксированы в качестве основы для общения. Диалог этим не исчерпывается, но благодаря этому этапу устанавливается горизонт его возможностей. Выявленные точки соприкосновения становятся условиями для взаимопонимания и доверия между конфессиями, которые в свою очередь позволят решать главные задачи диалога – решение конкретных проблем нерелигиозного характера.

Если же диалог ведется в области религиозной догматики и религиозных принципов, то в таком случае не должно быть нивелирования догматических особенностей и уклонения от обсуждения различий. Как пишет С.С. Хоружий: «Каждая духовная традиция есть сообщество, цель которого – воспроизводство и передача опыта определенной духовной практики. Но духовная практика, в

свою очередь, есть антропологическая и мета-антропологическая стратегия особого рода, и одно из главных ее отличий – требование совершенно строгого и точного следования ее «путевой инструкции», ее органону» (Хоружий, 2009, стр.167). Такой межрелигиозный диалог, если он возникнет между конфессиями, исключает сближение вероучительных истин. При обсуждении религиозных верований надежды на «взаимообогащение» и «взаимовлияние» не состоятельны. Вряд ли религиозная конфессия позволит подвергать сомнению собственную догматику.

Чтобы успешно решить практические задачи межконфессиональный диалог должен исключать из своего обсуждения вопросы догматического характера. Попытка спора по религиозным вопросам в рамках диалога закончится только конфликтом и ухудшением отношений. Никаких перспектив позитивного плана такой диалог принести не может. Сгладить противоречия догматического характера, как показывает опыт, не получится, и такие обсуждения могут только ухудшить атмосферу и отношения между конфессиями. Религиозный диспут может оказать только миссионерский эффект, но никаких последствий для религиозной догматики конфессиональной организации иметь не будет. Как замечает С.С. Хоружий: «Нельзя комбинировать традиции. Именно поэтому сама возможность для разных духовных традиций какого-либо плодотворного контакта, наполненного положительным содержанием, оказывается под сомнением» (Хоружий, 2009, стр.167). Все экуменические проекты, несмотря на все усилия его организаторов и достаточно высокий уровень их теологической образованности и общего богословского языка, оказались в общем-то бесплодны. Различия религиозного характера можно выяснить, а сблизить эти позиции – нет. Обсуждение межрелигиозных или межконфессиональных противоречий если оно и имеет место, может касаться только выяснения религиозных ценностей, то есть иметь информативный характер.

Надо иметь в виду, что в постсоветское время, когда на государственном уровне прекратились преследования по религиозному признаку конфликт между конфессиями, может возникнуть как следствие противоречий, как правило, экономического, политического, социального культурного характера. В данном случае объективное разбирательство причин и урегулирование межконфессиональных отношений может натолкнуться на противостояние по принципу «свой-чужой», учитывая, что чаще всего конфессиональная принадлежность может совпадать с этнической. Только выход за пределы этого круга противостояния, которое имеет сильную эмоциональную окраску, позволяет провести такой анализ причин на беспристрастном уровне. Противоречия в таком случае могут быть урегулированы через межконфессиональный диалог, с участием посредника в виде государства или муниципальных органов.

Элитологический аспект межконфессионального диалога

Элитологический аспект межконфессионального диалога может быть рассмотрен в контексте его проблематики. Диалог ведут конфессиональные элиты, поэтому многое в успешности диалога зависит от их качества, соответствия своему предназначению быть силой решающей высокие по своему значению задачи. Отметим некоторые проблемы, которые могут быть предметом диалога между конфессиями и решение которых может привести к единству действий через диалог.

Одной из актуальных проблем является борьба с религиозным терроризмом и экстремизмом. Религиозный экстремизм, одним из продуктов которого является терроризм, есть следствие роста радикальных настроений в конфессии. Рост радикальных настроений может быть следствием запретов и преследования верующих той или иной конфессии, которые могут быть следствием действий государства и здесь важен не межконфессиональный, а государственно-конфессиональный диалог, либо же это могут быть неприемлемые действия со стороны одной конфессии, оскорбляющие чувства верующих другой конфессии. В этом случае межконфессиональный диалог может иметь значение. Отметим, что ни одной конфессии не нужны радикалы-экстремисты, так как они опасны, нарушают конфессиональный порядок и являются, как правило, оппозицией по отношению к руководству конфессии, то есть ее элите. В росте радикализма проявляется, на наш взгляд, один из видов «противостояния элитарного и эгалитарного». Радикально настроенные верующие, какими бы мотивами они не руководствовались, пытаются стать альтернативным центром конфессии, противопоставляя себя ее сложившейся элите.

Диалог между конфессиями, на наш взгляд, – это эффективный способ противостояния конфессиональных элит радикально настроенным конфессиональным эгалитаристам. Готовность и умение вступить в диалог и тем самым обеспечить достижение миротворческого результата есть признак элитарности в данном процессе. Элита руководствуется разумными соображениям, нравственными принципами, нацелены на налаживание добрососедства, взаимного сотрудничества, поиск общих точек соприкосновения. Радикализм препятствует установлению диалога. Радикалы, наоборот, ищут точки расхождения и выстраивают позицию ненависти, подчинения, подавления, захвата, уничтожения, изгнания. Радикализм есть следствие иррационального нетерпения, эмоциональности и малообразованности. Радикалы выступают за власть в конфессии и отстранение от руководства всех, кто выступает против их позиции. Таким образом, выступая за межконфессиональный диалог, конфессиональная элита борется с анти элитарным по своей сути радикализмом в конфессии.

Также среди важных тем межконфессионального диалога является защита традиционных духовных, нравственных ценностей. Конфессиональная элита выступает в этом вопросе с разумных позиций, в умеренной форме, то

есть учитывающее изменившееся время, а также сосуществование с другими конфессиональными сообществами, светский характер государственности. В целом это выражается в противостоянии крайним формам духовной модернизации и поддержке национальной культуры в условиях процесса глобализации. Межконфессиональный диалог позволяет выработать программы совместных действий с другими традиционными конфессиями. Отметим, что здесь также могут быть проявления радикальных настроений. Эгалитаристские, по сути, призывы возвращения к практикам поддержания традиционного порядка давно прошедших времен строятся опять же на иррациональных эмоционально окрашенных мотивах и сами представляют одну из форм модернизации – неотрадиционализм.

Выделим ключевые принципы межконфессионального диалога, в рамках которых возможна продуктивная работа конфессиональных элит на пользу обществу.

1. Уважение к иному мнению: умение и настроенность на то, чтобы слушать «другого», того, с кем ведется диалог. В процессе диалога высказываются позиции по проблемам, в которых выражаются конфессиональные особенности. Это позиции иные по сравнению с собственной позицией, но в диалоге как раз идет поиск объединяющих моментов, с учетом присущих конфессиям особенностей.

2. Равноправие: признание равенства конфессий в правовом и социальном статусе, как исторически сложившееся сообщество. Без этого принципа диалог не может состояться вообще.

3. Искренность: взаимная искренность создает атмосферу доверия и тем самым делает диалог успешным.

Можно выделить как официальный, формализованный уровень межконфессионального диалога, который обеспечивают элиты, так и личный, неформальный. Элита подает пример для рядовых членов конфессионального сообщества, как жить вместе, решать насущные проблемы, будучи различными в своих религиозных взглядах. Настроенный таким образом диалог становится способом предупреждения возникновения напряженности, конфликта, который может возникнуть случайно зачастую из-за недоразумений, под действием эмоций и т.д. Как замечает С.В. Мельник: «Для мирян, богословов, вообще для любого мыслящего верующего человека тема истинности своей религии, обоснованности ее воззрений в условиях многообразия различных религиозных традиций и форм религиозного опыта не теряет, да и не может потерять своей актуальности. При взаимодействии с представителями другой религии на бытовом, неформальном уровне нередко возникают дискуссии на темы вероучения, носящие хотя и в мягкой форме, но все же полемический характер» (Мельник, 2019, стр.315). Ценность диалога как формы социального взаимодействия не предполагает отказ от своей идентичности. Это приведение в гармоничное состояние межконфессиональных отношений через сохранение своей идентичности. Таким образом, диалог может рассматри-

ваться не только как действие, но и как состояние, настроенность, расположенность сознания, которые имеют благоприятные последствия. Роль элиты в этом процессе имеет исключительное значение. Межконфессиональный диалог – это способ жить вместе, будучи разными в религиозном отношении. Этим диалогом создаются сферы согласия по тем вопросам, которые не противоречат конфессиональной определенности, но имеют значение для жизни общества.

Диалог между конфессиями должен быть постоянным. Он может быть организован в рамках постоянно действующей структуры при государственной и муниципальной власти в форме межрелигиозного совета или этно-конфессионального совета и т.п., в рамках периодически устраивающихся конференций, круглых столов или иных мероприятий. Все, что совпадает с религиозной догматикой, должно быть удалено из обсуждения на этих встречах. Как пишет С.В. Мельник: «Очевидно, что полемический диалог не способствует сближению людей, а скорее наоборот, предполагает желание «победить» оппонента любой ценой, провоцирует конфронтацию и вражду. В связи с этим на современном этапе диалог между официальными представителями религиозных общин, как правило, предполагает отказ от прозелитизма и вообще от обсуждения каких-либо догматических тем, тем более противоречий» (Мельник, 2019, стр.314).

Примером такой работы может служить Межрелигиозный совет России, созданный в 1998 году. На региональном уровне при губернаторах или на муниципальном уровне также создаются межконфессиональные или этноконфессиональные советы, которые работают на постоянной основе. Таким образом происходит институализация межконфессионального диалога. В этом своем качестве он становится важным фактором поддержания целостности общества.

Решать проблемы организации и проведения диалога должны профессионалы-теологи. В этой связи становление и развитие светского теологического образования, в частности, такого его профиля как «государственно-конфессиональные отношения», приобретает особое значение. Профессионально подготовленные теологи, в области государственно-конфессиональных отношений, которые знают религиозную духовную составляющую конфессий и могут выступать в качестве медиаторов, регулирующих возникающие споры, устраняющих препятствия, находя консенсус.

Заключение

Таким образом, рассматривая межконфессиональный диалог с точки зрения элитологического подхода, необходимо акцентировать внимание на роли и значении конфессиональных элит, их готовности выполнять важную миссию поддержания мира и сотрудничества в обществе. Продуктивным становится также использование методического элитологического принципа

учета соотношения «элитарного и эгалитарного». Важно в этой связи фокусировать внимание на взаимодействии конфессиональных элит. Осуществляет межконфессиональный диалог и управляет им элита конфессии. Роль элиты заключается в том, чтобы удерживать диалог в определённых границах. Важнейшими ее характеристиками становятся нравственные принципы, образованность, теологическая подготовленность, владение разумным подходом, умением управлять и направлять диалог с учётом не только узко конфессиональных интересов, но и общегражданских, в числе которых достижение мира и спокойствия всего общества.

Список литературы

- Александров, Е. П. (2014). Проблема диалога в современном гуманитарном знании. Вестник Таганрогского института управления и экономики, 1 (19), 52–57.
- Андреева, С. М., & Андреева, А. М. (2015). Лингвистическая и коммуникативная сущность диалога. Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, 4, 252–256.
- Багаева, К. А. (2018). Межконфессиональные отношения в контексте государственно-религиозного взаимодействия. Бурятский государственный университет, 4(3), 25–30. doi: 10.18101/1994-0866-2018-3-4-25-30
- Вилков, А. А. (2016). Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне. Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология, 16(1), 55–62. doi:10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62
- Гайдук, В. В. (2015). Политические технологии в укреплении этнополитического диалога (межэтнического и межконфессионального) диалога. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения, 6 (36), 81–87. doi:10.15688/jvolsu4.2015.6.10
- Мельник, С. В. (2019). Миротворческий межрелигиозный диалог: Принципы, задачи, формы реализации. *Minbar. Islamic Studies*, 12(1), 215–234. doi: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-215-234
- Тиллих, П. (1995). Христианство и встреча мировых религий. В *Избранное: Теология культуры* (с. 396–441). Юристъ.
- Хоружий, С. (2009). Диалог религий: Исторический опыт и принципиальные основания. Христианство и ислам в контексте современной культуры. Межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке, 160–171.

References

- Alexandrov, E. P. (2014). The Problem of Dialogue in Modern Humanitarian Knowledge. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 1, 52–57. (In Russian)
- Andreeva, S. M., & Andreeva, A. M. (2015). Linguistic and Communicative Essence of Dialogue. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*, 4, 252–256. (In Russian)
- Bagayeva, K. A. (2018). Interfaith Relations in the Context of State-religious Interaction. *Bulletin of the Buryat State University*, 4(3), 25–30. doi:10.18101/1994-0866-2018-3-4-25-30 (In Russian)
- Gayduk, V. V. (2015). Political Technologies in Strengthening Ethnopolitical (Inter-Ethnic and Inter-Confessional) Dialogue. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4*.

- Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija, 6, 81–87. doi:10.15688/jvolsu4.2015.6.10 (In Russian)
- Khoruzhiy, S. S. (2009). Dialogue of Religions: Historical Experience and Fundamental Grounds. Christianity and Islam in the Context of Modern Culture: Interreligious Dialogue in Russia and the Middle East, 160–171. (In Russian)
- Melnik, S. V. (2019). Peacemaking Interreligious Dialogue: Principles, Objectives, Forms of Implementation. Minbar. Islamic Studies, 12(1), 215–234. doi:10.31162/2618-9569-2019-12-1-215-234 (In Russian)
- Tillich, P. (1995). Christianity and the Meeting of World Religions. B Favorites: Theology of Culture (cc. 396–441). Lawyer. (In Russian)
- Vilkov, A. A. (2016). Political Aspects of the Regional Level Ethnic and Confessional Relations' Harmonization. Saratov State University. Ser. Sociology. Politology, 16(1), 55–62. doi: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62 (In Russian)

The Creative Class as a New Modern Elite: on the Question of Concepts

Elena V. Khlyshcheva

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Email: [culture_mar\[at\]mail.ru](mailto:culture_mar[at]mail.ru) ORCID 0000-0001-6586-019X

Abstract

The second half of the 20th century showed changes in the social structure of society as it entered the post-industrial era. Classes in the classical sense have disappeared, but new socio-economically determined groups (strata) have emerged. The information age brings a new stratification of society and the emergence of a creative class, which is destined to play a leading role in transforming the world around it.

With its characteristics of creativity and the ability to solve existing problems in a non-traditional way, such a class should assume the function of the elite. At the same time, under the influence of globalization, immigration, marginalization, and digitalization, the structure of the labor force is changing: the share of the precariat - temporary workers, freelancers, remote workers - is increasing, while their social protection and competence are decreasing. The very emergence of the precariat poses a significant problem.

There is a significant difference between the ideas about the role of the creative class in the Western world and the attitude to this phenomenon in Russia, where creative people are more associated with hipsters and opposition movements.

Whether the creative class really is the new elite or whether it is a more affluent but similarly vulnerable part of the precariat is the topic of this article.

Keywords

Creative class; precariat; salariate; society; structure; post-industrial era; social stratum; elite.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Креативный класс как новая современная элита: к вопросу о понятиях

Хлыщева Елена Владиславовна

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Email: [culture_mar\[at\]mail.ru](mailto:culture_mar[at]mail.ru) ORCID 0000-0001-6586-019X

Аннотация

Во второй половине XX века происходят изменения в социальной структуре общества, которое вступило в постиндустриальную эру. Исчезли классы в их классическом понимании, но появились новые социально-экономически обусловленные группы (страты). Информационная эпоха приносит новую стратификацию общества и зарождение креативного класса, которому предназначено играть ведущую роль в преобразовании окружающего мира.

Имея своими характеристиками творческий потенциал и умение нетрадиционно решать существующие проблемы, такой класс должен взять на себя функцию элиты. Одновременно под влиянием процессов глобализации, иммиграции, маргинализации и цифровизации изменяется структура рабочей силы: отмечается увеличение доли прекариата - временных работников, фрилансеров, работников «на удаленке», при снижении их социальной защищенности и компетентности. Само появление прекариата представляет собой существенную проблему.

Наблюдается значительное отличие представлений о роли креативного класса в западном мире от отношения к данному феномену в России, где креативные личности связываются скорее с хипстерами или оппозиционными движениями.

Действительно ли креативный класс является новой элитой или это более обеспеченная, но такая же незащищенная часть прекариата - тема представленной статьи.

Ключевые слова

Креативный класс; прекариат; салиариат; социум; структура; постиндустриальная эра; социальные страты; элита.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В науке «класс» определяется как «большая общественная группа с исторически определённым положением в системе общественного производства и определённой ролью в общественной организации труда, объединённая одинаковым отношением к средствам производства, к распределению общественного богатства и общностью интересов» (Тезйел Аглиуллова. 2015, стр. 103).

К. Маркс рассматривал класс как «как совокупность людей, обладающих общими интересами и склонных, думать, чувствовать и вести себя сходно» (Беркова. 2018. стр. 75). При этом подчеркивалось, что черты сходства определяются экономической функцией – тем видом работы, который обеспечивает им средства к существованию.

Классическое определение класса было дано В.И. Лениным: «это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин. 1970. стр. 15). Такое понимание легло в основу классового подхода к анализу социальной структуры общества.

М. Вебер положил начало стратификационному подходу к исследованию социальной структуры общества. Он определяет класс как «статусную группу, формируемую жизненными шансами индивидов: их индивидуальными способностями (образованием, квалификацией, мировоззрением) и характеристиками образа жизни, способа получения образования, профессии и происхождения» (Вебер. 1990. стр. 638). Статусные группы находятся в сфере культуры.

Во второй половине XX века социальная структура существенно меняется. Традиционное понимание классов теряет свою актуальность и мы начинаем говорить о социальных стратах, образованных не столько по экономическому принципу, сколько по индивидуальным навыкам и устремлениям.. Наблюдается изменение социальной дифференциации, деление общества не на классы, а на слабо дифференцируемые информационные сообщества, где определяющим фактором социальной дифференциации становится уровень знаний, а не собственность. Связано это с доступом к знанию и разнообразной информации для широких слоев населения. Современный мир стал рассматриваться как «тотальная множественность», основанная на принципе плюральности. Такое общество предельно вариативно, соединяя в себе глобальное и локальное.

Э. Тоффлер характеризовал такое общество как «утратившее консенсус, которое не может найти согласия в отношении стандартов поведения, языка или манер» (Тоффлер, 2003, стр.331). Ведущие аналитики считали, что в обществе «технотронной эры» социальные процессы будут программируемыми.

Однако на сегодняшний день можно констатировать, что это «управляемый хаос» (Митрошенков, 2011, стр.15).

Методология

Для рассмотрения процессов, связанных с формированием новых социальных страт (классов) используется историко-типологический подход к анализу социокультурных процессов. Методологическим основанием является необходимость рассмотрения процессов формирования и развития креативного класса как представителей новой элиты в обобщенном варианте, абстрагированном от конкретного воплощения в определенных пространственно-временных границах. Компаративистский метод применяется при сравнении дефиниций «класс» и «социальные страты». И если Маркс и Ленин рассматривают класс с точки зрения общественного производства, то М. Вебер определяет класс как «статусную группу». Такое понимание служило в определенном смысле «переходным мостиком» к современному пониманию социальных страт, формирование которых происходит не столько в экономическом, сколько в социокультурном пространстве.

Новые терминологические обозначения социальной дифференциации современного общества – прекариат, салиариат – рассматриваются Г. Стендингом как таксономические единицы, характеризующие изменения социальной структуры общества цифровой эпохи. Результатом таких изменений становится появление нового класса – креативного, для фиксации появления новой социальной группы населения, включённой в постиндустриальный сектор экономики. Термин был предложен американским экономистом Ричардом Флоридой и охватывал часть среднего класса, проживающего в крупных городах, характеризующегося творческим потенциалом и способностью нестандартного решения задач.

В России представители креативного класса получили ироничное название «креаклов» и отождествляются либо с оппозиционным движением, либо с хипстерами, представляющими обеспеченную часть молодежи.

Теория Креативного Класса

Новая форма управления обществом вывела на арену класс новой деловой элиты, которую назвали «нетократией». Ее составляют люди, обладающие блестящими коммуникационными способностями и талантом манипулировать информацией. Те, кто не в состоянии воспользоваться преимуществами новых интерактивных технологий, образуют низший класс цифровой эры. Сюда же относятся и мигранты, занятые физическим трудом.

В современном обществе можно выделить семь групп:

- элита, состоящая из небольшого числа очень богатых людей, управляющих мировой экономикой и способных повлиять на любое правительство;

- салиариат – люди со стабильной трудовой занятостью, получающие за свой труд заработную плату. Как правило, они работают в крупных корпорациях и гос. учреждениях;

- profitians (квалифицированные кадры) – люди, которые успешно работают на себя, выступая в качестве консультантов, независимых специалистов. Они не заинтересованы в полном трудовом дне на определенном предприятии;

- работники физического труда – костяк старого рабочего класса, постоянно уменьшается. Чувство социальной солидарности у этих людей утрачено;

- прекариат – временные рабочие, отличающиеся отсутствием социальных гарантий, нестабильным доходом;

- армия безработных;

- социально обездоленные люди, проживающие на социальные пособия (Стэндинг, 2014, стр. 20-24).

Глобализация, иммиграционные процессы и всеобщая цифровизация привели к изменениям в структуре рабочей силы: отмечается увеличение доли прекариата – временных работников, фрилансеров, работников «на удаленке», при снижении их социальной защищенности и компетентности. Нарастающая информатизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ, развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей формируют среду для развития креативного класса. Возрастает число людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг. Изменяется и структура занятости: возрастает объем занятости в «сфере культурной деятельности», что увеличивает число людей, занимающихся креативным трудом. При этом креативность понимается не как акт индивидуального творчества, а как социальное общекультурное явление. Креативность сама по себе товаром не является, а выступает в качестве наиболее ценного ресурса новой экономики.

Название новому классу предложил Ричард Флорида для обозначения социальной группы населения, включённой в постиндустриальный сектор экономики. Для креативного класса приоритетом становится «не карьера, престиж и высокая зарплата, а ценность созданных условий для работы и жизни, раскрытие своего творческого потенциала, в том числе толерантная атмосфера и творческие стимулы» (Флорида, 2016, стр. 18). Именно за этим классом, как считает автор, будущее планеты.

Уже в 70 – 80-х годах XX века на Западе стали рассматривать культуру как ведущую силу экономики, которая должна и может приносить прибыль. Главная роль принадлежит здесь культурным индустриям, которые превратились в «мотор экономических и политических процессов» (Зуев, 2007). Об этом

свидетельствуют количественные показатели увеличения объемов свободного времени и формирование новой, качественно иной культуры потребления и досуга.

В конце 90-х г. XX в. в Великобритании, занимающей лидирующие позиции в политике культурных индустрий, появилось новое, более широкое название – креативные индустрии, куда, помимо художественных производений, добавились дизайн, производство программного обеспечения и информационного контента. В 1998 году было сформулировано официальное определение креативных индустрий как «деятельности, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» (Сайт Департамента культуры). Появились эксперты, консультанты, методы разработки культурных индустрий, программы развития городов.

Креативные индустрии нацелены на экономические показатели прибыльности и ориентируются на коммерческое и частное финансирование, не ограничены списком только культурных сфер деятельности и привязаны, в основном, к региональному уровню. Иными словами, креативные индустрии рассматриваются как «сфера коллективных инноваций, нацеленных на получение прибыли за счет идеи, содержащей выразительную и эмоциональную ценность» (Banks, 2009, р.368). Это своеобразный творческий кластер, развитие которого способствует появлению «креативных городов с благоприятной социальной, культурной, экономической и экологической средой» (Иванова, 2013, стр.164).

Креативный класс призван стать творцом креативных индустрий. Поэтому творчество здесь рассматривается как важнейший экономический фактор, благодаря которому и возникает новый социальный креативный класс (Флорида, 2016). Именно это определяет суть концепции Флорида - его знаменитая формула трёх «Т» - талант, толерантность, технология.

Особое место в этой формуле отводится толерантности. Все члены группы, которую изучал Флорида предпочитают жить в тех регионах, где преобладает атмосфера дружелюбия и открытости, где никто не настроен против науки и где нет беспрекословного подчинения власти. Именно с этой позиции автор объясняет стремление современных научных умов мигрировать с востока на запад, а не наоборот. Именно толерантность играет решающую роль для экономического и технологического развития любой страны.

Креативный класс включает в себя технических специалистов, представителей науки, культуры, искусства, СМИ, самых разных работников интеллектуального труда. Главным отличием креативного класса становится то, за что они получают свои деньги за проектирование и создание чего-то нового. Основой «социально-экономического благополучия общества информационной эпохи» (Флорида, 2016, стр. 18) становится творчество личности. Представители креативного класса редко работают на одном предприятии или в одной компании.

Как правило, они предпочитают собственный график работы, ориентируясь на выполнение определенных заказов или проектов. Более всего они ценят гибкий график работы, стабильность и спокойную рабочую обстановку.

Во второй половине XX века в Европе и прежде всего в США креативный класс стремительно увеличивается численно и намного превышает тех, кто работает на производстве, строительстве и транспорте. Тем не менее, креативный класс находится на стадии становления, принося более креативные виды занятости населения.

Представители креативного класса за счёт высокого уровня образования и своей социальной активности требуют новых прав, не беря в расчёт интересы менее успешной части общества. Именно поэтому они могут угрожать политической стабильности общества. Кроме того, невозможно не учитывать, что «зарождающаяся креативная экономика – динамичная и неустойчивая система» (Флорида, 2016, стр. 21).

Не может креативный класс похвастаться коллективной идентичностью, поскольку, по мнению Флориды, основой такой идентичности выступает широко трактуемое творческое начало (Флорида, 2016). Креативность, по сути, индивидуальный феномен, однако разработка и реализации проектов требует командной работы. И все-таки отдельные заказы, выполняемые такими специалистами, не могут сформировать коллективную идентичность и классовое самосознание.

Да и не дает сегодня креативность гарантии стабильной занятости, поскольку дизайнеров, программистов и интеллектуальных работников становится всё больше. В любых обществах можно встретить безработных, но дипломированных специалистов. А некоторые отрасли, которые относятся к креативным, не требуют высшего образования. Таким образом, четкие рамки определения креативности профессий отсутствует, а искусственно «креатизировать» можно что угодно (Флорида, 2016, стр. 23).

Немаловажным становится потребность постоянных инвестиций в креативную экономики, ибо креативность автоматически не возобновляется, а творческий импульс необходимо поддерживать и прежде всего материально.

Сама же креативность подразумевает не простое накопление знаний, но способность к синтезу. Креативность требует уверенности в себе и способности идти на риск. Побудительным началом креативности является потребность в самореализации.

Три «Т» (технологии, талант и толерантность), по мнению Флориды, образуют сводный индекс креативности – комплексный показатель регионального экономического потенциала, составленный на основе ряда других индексов:

- гей-индекса (показывает связь между демографией расселения гомосексуалистов и индустрией высоких технологий);
- индекса богемности (показатель плотности населённости региона художниками, писателями и музыкантами);

- индекса таланта (учитывает развитие технологий, включая количество патентов на изобретения на душу населения,
- данные о числе занятых в творческих профессиях и традиционные критерии оценки человеческого капитала, в частности количество лиц с высшим образованием);
- индекса толерантности (учитывает демографическое разнообразие);
- индекса иммигрантов и индекса интеграции (оценивают степень расовой интеграции в противовес разделению общин на отдельные группы) (Флорида, 2016, стр. 126-127).

В целом, утверждать торжество креативного класса в постиндустриальном обществе несколько преждевременно, хотя заслуживает внимания выявление роста доли беднеющих слоёв населения при параллельном увеличении числа представителей креативного класса. Исходя из этого, Р. Флорида прогнозирует обострение в современных мегаполисах межклассовых противоречий, что может привести к политической нестабильности. Тем не менее, автор считает, что именно креативная экономика способна решить эти проблемы.

Привлекательным же местом проживания для креативного класса становится город, а лучше мегаполис. Именно здесь начинается кластеризация талантов, которые способствуют повышению общей конкурентоспособности, а также туристической привлекательности городов.

Креативный класс в современной России: проблемы формирования

В современной России креативного класса как такового нет. Трудно даже говорить о наличии такой социальной страты. Отставание России в экономическом развитии и, практическое отсутствие сектора, где ведущими стали бы креативные идеи, которые сразу внедрялись бы в производство, не позволяет говорить о каком-либо месте креативного класса. Если и начинается формирование такой прослойки, то можно констатировать ее сильную зависимость от властвующей элиты.

Живут они, в основном, в крупных городах, материально обеспечены.. Средний возраст таких людей - от 20 до 45 лет.

По оценкам специалистов, в российскую креативную страту включают такие категории:

- специалисты высшего уровня квалификации в области естественных и технических наук;
- специалисты высшего уровня квалификации в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения;
- специалисты высшего уровня квалификации в области образования;
- прочие специалисты высшего уровня квалификации (Кочетков, 2013).

Российский культуролог и журналист Юрий Сапрыкин предлагает рассматривать «креативный класс» в строгом смысле слова – как работников креативных индустрий (Сапрыкин Ю., Мальцев и., Жилиев А., Бояринов Д., 2012), продвигающих товар на рынке с помощью красивых упаковок. В этом смысле востребованными становятся рекламщики, маркетологи, дизайнеры, стилисты, фотографы, специалисты по современному искусству и др. Тогда, если понимать термин таким образом, никакого креативного класса в России нет. «Креативные индустрии существуют у нас в зачаточном виде, никому они, в общем-то, не нужны, и все они сконцентрированы в городах-миллионниках» (Сапрыкин Ю., Мальцев и., Жилиев А., Бояринов Д., 2012). В принципе, в России нет особой нужды в таких креативных индустриях и, соответственно в креативщиках данного направления.

В отличие от Запада, большинство специалистов, занятых в данных сферах, работает в государственном секторе экономики и не обладает свободой от властной элиты. Не близки они и к народу. В России под категорию креативного класса больше подпадает новая интеллигенция или образованные горожане, которые тесно связаны протестными движениями. Именно участников этих движений стали называть «креативными».

Еще в 2011 российский политический технолог, публицист и радиоведущий Станислав Белковский обозначил термином «креативный класс» «среду поддержки несистемной оппозиции» (Белковский, 2011). Иными словами, российский «креативный класс» – это «хипстеры с айфонами и журналисты с макбуками в противовес ретроградному «быдлу с Уралвагонзавода» и прочим унылым некреативным «анчоусам» (Почти 90% россиян не смогли сказать, 2013).

Оппозиция подхватила идею и начала называть себя «креативным классом», однако вскоре этот термин изменился на насмешливое прозвище «креаклы» (Про креаклов, 2013). Понятно, что в этом случае понимание креативности явно носит негативный характер. Ибо есть люди, которые работают, а есть те, которые креативят на площадях или в соц. сетях, но экономического продукта не создают.

Единственное, что они могут реально делать – это замечать проблемы, критиковать, и даже предлагать свои способы решения, но самим в этом участия не принимать. «Обладание навыками пользования пакетом Adobe Photoshop и прочими адобовскими продуктами не делает человека креативным» (Сапрыкин Ю., Мальцев и., Жилиев А., Бояринов Д., 2012).

В России творческая энергия, которая могла бы быть использована для создания чего-то нового, расходуется человеком на поддержку безопасности. Работа на проектах или фрилансе не дает гарантии свободы от материальных проблем, а это, в свою очередь, вызывает чувство тревожности за будущее. Занятость же представителей так называемого креативного класса характеризуются отсутствием социальных гарантий.

Креативный класс в России, в основном, приспособливает произведенное в Америке к российской действительности, что сделать очень трудно, так как это не является рентабельным и потому не особо приветствуется.

Как правило, абсолютное большинство представителей российского креативного класса являются приверженцами неолиберальной идеологии с протестными настроениями против официальной политики государства. В среде креативного класса выделяются наиболее влиятельные персоны, задающие тон протестному движению и пользующиеся неоспоримой властью в своей среде.

Все суждения этих людей воспринимаются креативным классом как истина в последней инстанции. Считается, что их моральный авторитет дает им право выносить «приговоры» всем и вся. При этом внутри «креативного пантеона» особого единства не наблюдается: поскольку все претендуют на звание «духовного лидера» (Белковский, 2011).

Не наблюдается единства и среди самого креативного класса. Ни в западных странах, ни тем более в России, где этот класс практически только едва намечен. Так, по данным опроса общественного мнения, более 80% россиян никогда не слышали о креативном классе, что-то слышали о нем лишь 15% россиян, а знают о креативном классе 2% респондентов. Среди тех, кто что-то слышал про креативный класс, преобладают москвичи, люди с высоким доходом и высшим образованием (Почти 90% россиян не смогли сказать, 2013).

Заключение

«Креативный класс» таковым в марксистском понимании не является. Само понятие «класс» означает наличие определенной солидарности. Ни о какой солидарности и даже об элементарной идентичности среди представителей креативного класса говорить не приходится. Видится, что креативные работники являются всего лишь верхушкой новой социальной страты, описываемой понятием «прекаритет», который связан с экономическими процессами, происходящими в нашем мире.

Прекариату не свойственна профессиональная самоидентификация. Для них важнее не брать на себя ни моральных, ни этических обязательств, определяющих профессиональную принадлежность. Они имеют нестабильные заработки, всецело зависят от проектной деятельности и от тех, кто им предлагает работу. Они живут сегодняшним днем, несмотря на свою креативность, а поэтому никаким образом не могут считаться элитой нового современного общества.

Список литературы

- Banks, M., & O'Connor, J. (2009). After the Creative Industries. *International Journal of Cultural Policy*, 15(4), 365–374. doi: 10.1080/10286630902989027

- Белковский, С. (2012). Извлечено от Креативный класс website: <https://ruxpert.ru/>
- Беркова, О. В. (2018). Капитал» К. Маркса и вызовы современной цивилизации. Маркс и марксизм в контексте современности (сс. 73–78).
- Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. Избранные произведения. Прогресс.
- Зуев, С. (2007). Культурные индустрии. Извлечено от website: <https://gtmarket.ru/library/articles/2505>
- Иванова, Ю. В. (2013). Творческие индустрии как новый фактор экономического и социокультурного развития: Т. Вып. 7. Труды экономического и социально-гуманитарного факультета РГГМУ.
- Кочетков, В. В. (2013). Креативный класс и российская элита (философия современной политики). Извлечено от Социально-гуманитарные знания website: <https://naukarus.com/kreativnyu-klass-i-rossiyskaya-elita-filosofiya-sovremennoy-politiki>
- Ленин В.И. Великий почин. 5-е изд. (Т 55, стр. 623) ИПЛ.
- Митрошенков, О. А. (2011). Управление идентичностями: Возможности и пределы. Социология власти, Т. 8, 12–29.
- Почти 90% россиян не смогли сказать, что такое креативный класс. (б. д.). Извлечено от Риа Новости website: <https://ria.ru/20130419/933619330.html>
- Про «креаклов». (2013). Извлечено от Приемный Покой Доктора Пилюлькина website: <https://archive.ph/2eEHI>
- Сапрыкин, Ю., Мальцев, И., Жилиев, А., & Бояринов, Д. (2012). Креативный класс в России: Кто все эти люди? Извлечено от COLTA.RU website: <http://archives.colta.ru/docs/4829>
- Стэндинг, Г. (2014). Прекариат: Новый опасный класс. Ад Маргинем Пресс.
- Тезйел, А. Х. (2015). Социальные классы: История и современность. Евразийский Союз Ученых. ЕСУ, 4(13), 102–104.
- Тоффлер, Э. (2008). Шок будущего (с. 557).
- Флорида, Р. (2016). Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М: Манн, Иванови Фербер.
- «В конце 90-х г. XX в. в Великобритании» Извлечено от Сайт Департамента культуры, медиа и спорта Великобритании website: www.gov.uk/government

References

- About the «crackpots». (2013). Dr. Pilyulkin's Emergency Room. Retrieved from website: <https://archive.ph/2eEHI> (In Russian)
- Almost 90% of Russians could not say what the creative class is. Retrieved from Ria News website: <https://ria.ru/20130419/933619330.html> (In Russian)
- At the end of the 90s of the XX century in the UK. Retrieved from UK Department of Culture, Media and Sport website: www.gov.uk/government (In Russian)
- Banks, M., & O'Connor, J. (2009). Ater the Creative Industries//International journal of Cultural Policy (V. 15, Issue 4, pp. 365–374). doi: 10.1080/10286630902989027
- Belkovsky, S. (2012). The creative class. Retrieved from Russian Expert website: <https://ruxpert.ru/> (In Russian)

- Berkova, O. V. (2018). Capital by K. Marx and the challenges of modern civilization. B Marx and Marxism in the Context of Modernity. Materials of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of K. Marx's birth (1818-1883). (In Russian)
- Florida, R. (2016). The creative class: People who create the future (p. 384). M:Mann, Ivanovы Ferber. (In Russian)
- Ivanova, Y. V. (2013). Creative industries as a new factor of economic and sociocultural development (V. 7, p. 152–167). Proceedings of the Economic and Social-Humanitarian Faculty of the Russian State Humanitarian University. (In Russian)
- Kochetkov, V. V. (2013). Creative class and Russian elite (philosophy of modern politics. Retrieved from Socio-Humanitarian Knowledge website: <https://naukarus.com/kreativnyy-klass-i-rossiyskaya-elita-filosofiya-sovremennoy-politiki> (In Russian)
- Lenin, V. I. (1970). Great beginning. 5-th ed (V. 55, p. 623). IPL.
- Mitroshenkov, O. A. (2011). Managing identities: Possibilities and limits. Sociology of Power, V. 8, 12–29. (In Russian)
- Saprykin, Y., Maltsev, I., Zhilyaev, A., & Boyarinov, D. (2012). Creative class in Russia: Who are all these people? Retrieved from COLTA.RU website: <http://archives.colta.ru/docs/4829> (In Russian)
- Standing, G. (2014). Precariat: A new dangerous class (p. 327). Ad Marginem Press. (In Russian)
- Teziel, A. H. (2015). Social Classes: History and Modernity (V. 4, Issue 13, p. 102–104). Eurasian Union of Scientists (ESU). (In Russian)
- Toffler, E. (2008). Shock of the Future (p. 557). (In Russian)
- Weber, M. (1990). Basic Sociological Concepts. Selected Works (p. 808). Progress. (In Russian)
- Zuev, S. (2007). Cultural industries. Retrieved from Humanitarian Portal website: <https://gtmarket.ru/library/articles/2505> (In Russian)

Creativity as a Motivational Resource for the Development of the Cultural Elite in Russia

Ekaterina V. Gainutdinova

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.

E-mail: [gainutdinova.ekaterina\[at\]mail.ru](mailto:gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru) ORCID: 0000-0002-9893-9176

Abstract

Society always needs those personalities who rise above existing problems and become that positive reference point for others, thanks to the presence of highly moral qualities that can expand the boundaries of perception and understanding of ordinary things and build a creative inspiring environment, where the freedom to realize creative potential contributes to the development of the person itself, and those who strive to be like it.

The relevance of a given topic is due, first of all, to the fact that now, more than ever, society needs those resources that can preserve its integrity, and the integrity of the personalities that make it up. In this regard, it becomes necessary to talk about how creativity in a person creates the prerequisites for the active development of elitist thinking, thanks to which the layer in society is formed, which is a cultural elite - those people who achieve authority through internal resources. These resources are accumulated into high-spiritual value potential, intellectual capacity, life and professional experience, all of which contribute to the creation of a holistic personality, which becomes an example for everyone else without reducing to the external attributes of success, gaining its actualization in the context of a dominant synergistic world understanding, when the unpredictability of the ongoing chaos forces the search for opportunities for an enterprise basis for maintaining integrity itself.

The purpose of this article is to consider creativity as a motivational resource that contributes to the development of the cultural elite in Russia.

Keywords

Elite; cultural elite; value; creativity; motivation; synergetics; synergistic effect.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Творчество как мотивационный ресурс для развития культурной элиты в России

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна

Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия.

E-mail: [gainutdinova.ekaterina\[at\]mail.ru](mailto:gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru) ORCID: 0000-0002-9893-9176

Аннотация

Общество всегда нуждается в тех личностях, которые поднимаются выше существующих проблем и становятся тем позитивным ориентиром для других, благодаря наличию высокоморальных качеств, способных расширить границы восприятия и понимания обычных вещей и создающих созидательную творческую среду, где свобода реализации творческого потенциала способствует развитию самой личности, так и тех, кто стремится быть похожим на нее.

Актуальность заданной тематики обусловлена, в первую очередь тем, что сейчас, как никогда, общество нуждается в тех ресурсах, которые способны сохранить его целостность, и целостность личностей, его составляющих. В этой связи возникает необходимость говорить о том, как творческое начало в человеке создает предпосылки для активного развития элитарного мышления, благодаря которому формируется тот слой в обществе, который представляет собой культурную элиту – тех людей, кто достигает авторитета посредством внутренних ресурсов. Данные ресурсы аккумулируются в высокодуховный ценностный потенциал, интеллектуальные возможности, жизненный и профессиональный опыт, – все то, что способствует созданию целостной личности, которая становится примером для всех остальных без редукции к внешним атрибутам успешности, получая свою актуализацию в условиях доминирующего синергетического миропонимания, когда непредсказуемость творимого хаоса вынуждает искать возможности для общеорганизационных основ сохранения целостности как таковой.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении творчества как мотивационного ресурса, способствующего развитию культурной элиты в России.

Ключевые слова

Элитность; культурная элита; ценность; творчество; мотивация; синергетика; синергетический эффект.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Непредсказуемость происходящих процессов в мире, необоснованное проявление агрессии по отношению к нашей стране свидетельствует об утраченном балансе в целом относительно ситуации сегодня и того, что будет происходить завтра. Все это является весомыми предпосылками для поиска, в первую очередь, внутренних ресурсов для поддержания личностного баланса, для сохранения своей целостности, поскольку большая часть причин в формировании негатива определяется в разрушении внутренних основ, способных поддерживать позитивную эффективность и созидательную активность человека.

Одной из таких основ выступает ценность творчества в реализации мотивационной стадии деятельностного процесса, которая дает возможность развивать духовно-нравственную составляющую личности и создает предпосылки для конструирования своей позитивной реальности, в первую очередь, для тех, кто должен являться образцом для подражания, а именно, культурная элита, которая способна превратить хаос в положительную и сбалансированную систему, направленную на духовное развитие общества в целом.

Методология

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных мыслителей, которые занимались концептуализацией проблемы творчества и его мотивирующей ролью в деятельности (Аристотель, Б. Телезио, М. Монтень, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, А. Бергсон и др.). В ходе проведенного исследования использовался целый комплекс научных методов. В статье были задействованы такие методы, как: диалектика, герменевтика, сравнительный анализ и синтез. В частности, диалектический метод позволяет проследить динамику развития представлений о творчестве. Герменевтика способствует обнаружению скрытых смыслов в характеристиках понятия «творчества», применительно к культурной элите и критериев ее оценки.

Теоретической основой анализа синергетического подхода, применительно к существующей действительности, стали труды известных исследователей (Г. Хакен, Н.Н. Моисеев, И. Пригожин, М.В. Волькенштейн и Д.С. Чернавский, В.Г. Буданови др.).

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является концепция элит (П.Л. Карабущенко), представляющая собой основу фундаментального знания, способствующего развитию междисциплинарных исследований феномена элиты, применимой в дальнейших практических исследованиях.

В статье представлен анализ исторических подходов в развитии понятия «творчества», систематизированы основные характеристики концепта творчества как мотивационного механизма в развитии культурной элиты, подчеркивающие необходимость развития качеств, способствующих формированию элитного образа современной России.

Материалы статьи могут полезными для тех специалистов, кто осуществляет свои научные исследования, выходя за пределы конкретной предметной области и расширяя границы дисциплинарного подхода в раскрытии определенной тематики для создания более комплексных и эффективных теорий, применяемых в социально-гуманитарной области знаний.

Обсуждение

Общество воспринимается и оценивается по тем личностям, из которых это общество строится. При этом особое значение в этой связи приобретают те, кто своим примером, своими высокодуховными ориентирами вдохновляют других мыслить и поступать подобным образом, закладывая тем самым прочный фундамент позитивных социальных процессов в будущем. Именно такие деятели и должны представлять элиту настоящего времени, которые, благодаря наличию высокоморальных качеств, способны расширить границы восприятия и понимания обычных вещей и создать эффективную творческую среду, где свобода реализации творческого потенциала способствует развитию самой личности, так и тех, кто стремится быть похожим на нее.

Сейчас, как никогда общество нуждается в тех ресурсах, которые способны сохранить его целостность, и целостность личностей, его составляющих. В этой связи возникает необходимость говорить о том, как творческое начало в человеке создает предпосылки для активного развития элитарного мышления, благодаря которому формируется тот слой в обществе, который представляет собой культурную элиту – тех людей, кто достигает авторитета посредством внутренних ресурсов, представляющих собой высокодуховный ценностный потенциал, интеллектуальные возможности, жизненный и профессиональный опыт, – это все то, что способствует созданию целостной личности, которая становится примером для всех остальных без редукции к внешним атрибутам успешности (Карабущенко, 2020).

Действительно, недавние события четко показали, что «элита», зависящая от материальных ресурсов, становится зависима и от условий сохранения данных ресурсов, отодвигая на второй план все духовно-нравственные ценности, включая чувство патриотизма. Как показала практика, поведение представителей шоу бизнеса, называющих себя элитой российского общества, зависимо от материальных ресурсов, которые они боятся потерять, а никак не от того, что наша страна пытается сохранить свой суверенитет и свою значимую роль в мире, и ей, как никогда, нужна колоссальная поддержка авторитетных личностей. По сути, получается, что такого рода поведение подтверждает

статус «псевдоэлиты» тех, кто полагает, что они и есть истинная элита. Культурная элита свободна от такого рода зависимостей, она выступает тем надежным фундаментом построения гражданского общества, без которого невозможно его эффективное развитие.

В этой связи ключевые критерии оценки культурной элиты как той, кто должен быть образцом поведения и действия для других выступают именно те, которые основываются на базовых ценностях, координирующие целостность образа истинной элиты. По результату того, как складывается отношение к нашей стране в мире одним из самых ключевых критериев оценки выступает именно патриотизм как умение безусловно любить и защищать свою родину, не зависимо от того, является ли она зоной комфортного проживания или той территорией, где хочется быть, не зависимо от того, какие условия жизни ты при этом получаешь.

Ценность творчества и ее роль в активации синергетического эффекта

Когда мы говорим о ценности самореализации, то здесь мы подразумеваем необходимость в своей полезности для других как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. Ценность творчества создает предпосылки для самобытного пути своего развития, определяя нестандартные пути реализации задуманного, нестандартное мышление в процессе достижения задуманного. Почему именно эти критерии выступают ключевыми, потому что мы живем в условиях синергетического мировосприятия, когда возникает определенная необходимость упорядочить те или иные процессы в условиях разворачивающегося хаоса, который применительно к нашей современности связан напрямую с синергетикой, как теорией самоорганизации сложных систем. Когда мы говорим о самоорганизации, то предполагаем, что это способность к упорядочению своей сложной структуры у сложных систем. Есть основание полагать, что порядок идет через усложнение структуры и ее стремление к интеграции составляющих ее частей: структура, механизмы и процессы. В этой связи таким системообразующим фундаментом развития человеческой деятельности выступает именно мотивация поведения, дающая возможность выбора в определении человеческих предпочтений на основании свободы воли.

Вместе с тем уместно использование такого понятия как «синергетический эффект», когда подразумевается в процессе самоорганизации не только явный потенциал личности, но и скрытый потенциал. Как отмечали А.А. Чудин, С.В. Гуляев, Ю.М. Глуховенко, механизм создания синергетического эффекта связан с процессом самоорганизаций синергий, который сопровождается тем, что «каждый раз при создании новой более сложной структуры, эта структура имеет не только действующий потенциал, но и скрытый потенциал, который

понадобится для следующей метаморфозы при создании более сложной структуры» (Чудин, Гуляев & Глуховенко, 2019, стр. 138).

В частности, когда мы говорим о творчестве, то подразумеваем как раз скрытый потенциал данной потребности, поскольку творчество, с одной стороны, это потребность, связанная с созиданием, а, с другой стороны, творчество – это то, что формирует нетривиальный подход к восприятию обыденных вещей, когда обретается умение посмотреть на привычные вещи под разным углом зрения. Скрытый ресурс потребности в творчестве формирует творчество как ценность, продуцирующую многогранность интерпретации, нестандартное мышление, уникальность личности. Все эти составляющие формируют элитарность личности за счет имеющихся духовных ресурсов, а не материальных возможностей как внешних атрибутов самореализации.

Например, для В.В. Соловьева философия всеединства представляется целостной только в реализации смыслов творческого бытия, обусловленная абсолютной человечностью (Соловьев, стр. 547), что тоже подчеркивает связь духовного роста с творчеством. Н.А. Бердяев связывал творчество со свободой, полагая при этом, что из необходимости рождается только эволюция, тогда как творчество рождается из свободы, поскольку считал, что «понять творческий акт – и значит признать его неизъяснимость и безосновность» (Бердяев, стр. 368-369). Такого рода рассуждения не связаны именно с попыткой связать творчество и свободу. Здесь причины более глубокие – показать сложность самого феномена творчества, применительно к деятельности, когда обоснованность механизма его действия выходит за рамки привычной детерминированности. Сложность в понимании творчества обнаружилась в эпоху Возрождения, когда акцент в изучении творчества сместился в сторону личности человека (Б. Телезио, М. Монтень) (Монтень, 1992). В дальнейшем в эпоху Просвещения Т. Гоббс, Ф. Бэкон рассуждали о сути творчества уже сквозь призму свободы, полагая, что какие-либо ограничения сдерживают развитие творческого воображения и творческой активности (Гоббс, 1989; Бэкон, 1977).

Мотивация позволяет создать эволюционное древо развития личности, поскольку стоит у истоков самоорганизации человека. Сейчас мы живем в то время, когда необходимо активировать развитие тех структур в обществе, в человеке, которые будут способствовать сознанию баланса в «динамическом хаосе» существующей в данный момент реальности. Как отмечал, например, В.Г. Буданов, рассматривая тонкие структуры кризиса, кризис представляет собой три этапа: «погружение в хаос, бытие в хаосе, выход из хаоса (самоорганизация)» (Буданов, стр. 30).

Когда возникает вопрос о синергетическом миропонимании, то соответственно речь заходит об открытых системах, которым свойственна открытость, нелинейность, нестабильность и непредсказуемость, учитывая ту динамику происходящих, с которой сталкивается современный человек. Если в качестве открытой системы привести интернет как таковой и включающий в себя

огромное количество различных информационных ресурсов, платформ для постоянного общения, то очевидным становится тот факт, что такой масштаб охвата потребителей – непосредственных участников проконтролировать или установить определенные границы и нормы крайне сложно в силу того, что интернет – это сложноорганизованная система, имеющая многокомпонентный и сложно-структурированный состав. В частности, В.Г. Буданов в этом ключе говорил о столкновении с актуализацией, а также бесконечного числа «иерархических уровней и онтологических планов становления, в принципе, бесконечной чувствительностью нестабильной системы к внешним воздействиям. Здесь наблюдатель не может быть классическим, внешним наблюдателем, он с необходимостью включен в систему» (Буданов, стр. 30).

Творчество как мотивационный ресурс для развития культурной элиты в России

В этой связи творчество выступает тем продуктивным ценностным элементом мотивационного потенциала человека, который способствует динамизации внутреннего баланса. Подобная трактовка творчества связана с потребностью в творчестве как таковой, когда подчеркивается особенность творчества как потребности в создании того, чего еще не было. Такого рода необходимость связана с сутью организации деятельности, когда творчество становится тем ресурсом, благодаря которому представляемые смыслы обретают осознанную реализацию в рамках развития мотивационной стадии, где потребность в творчестве получает свою актуализацию на уровне мотива, а далее становится одной из базовых ценностей. Благодаря такому процессу само творчество возводится в разряд объективной уникальности, которой обладает человек, как тот, кто наделен сознанием. Это сродни тому, как если рассуждать о творчестве по аналогии с тем, как рассуждал в свое время об индивидуальности А. Бергсон, полагая, что «биолог, прибегающий к приемам геометра, одержал бы слишком легкую победу над нашей неспособностью дать точное и общее определение индивидуальности» (Бергсон, 2017). Он объяснял это тем, что точное определение можно дать только завершенной реальности, тогда как жизненные свойства никогда не реализованы полностью, так как они находятся «лишь на пути к реализации» (Бергсон).

Вместе с тем следует учитывать и тот факт, что синергетический эффект применительно к геотриону (например, население, хозяйство, территория) срабатывает в процессе со-действия друг другу, когда притяжение складывается благодаря определенной силе, а именно мотивационным стимулам, побуждающие людей действовать. В данном случае определенной силой выступает воздействия от управленцев страны и тех стимулах, которые обуславливают такое воздействие. Об этом писали А.А. Чудин, С.В. Гуляев, Ю.М. Глуховенко, обращая внимание на то, что управленческие механизмы позволяют «целе-

направленно корректировать механизмы естественного развития геотриона в лучшую для людей сторону» (Чудин, Гуляев & Глуховенко, 2019, стр. 135).

Принимая во внимание действие синергетического эффекта в нашем обществе, можно однозначно говорить о том, что управленческая элита должна обладать критериями именно культурной элиты в истинном понимании этого сочетания понятий, поскольку это те, на кого обращают внимание, на кого ориентируются, кого цитируют те или иные представители общества в социальных сетях, в непосредственном общении друг с другом. Соответственно процесс творчества в деятельности культурной элиты всегда сопрягается с таким понятием, как «ответственность», когда понимание последствий сказанного и сделанного определяет уместность и необходимость реализации задуманного. Например, К.Р. Поппер даже применительно к феномену науки говорил о том, что «наука не покоится на твердом фундаменте фактов», поскольку она (наука) «подобна зданию, воздвигнутому на сваях. Эти сваи забиваются в болото, но не достигают никакого естественного или «данного» основания» (Поппер, 1993, стр. 147-148). Также и в творчестве, когда механизм востребованности определяется уровнем доверия со стороны общества, а сам субъект в процессе развития своего творческого потенциала и реализации творческих идей не разрушает традиционные ценностные основы, а создает предпосылки для духовного роста всего общества в целом.

В этой связи необходимо рассматривать творчество не только как потребность субъекта, обусловленной природной необходимостью, но и как ценность, производную от духовно-нравственного уровня развития личности. Проблема состоит в том, что ценностный аспект творчества акцентирует внимание на качественной составляющей данного феномена в деятельности, наполняя смыслом сказанное и сделанное посредством нетривиального мышления, тогда как творчество как необходимость созвучно больше потребительству и желаемой, а не реальной истине. В этой связи творчество будет выступать как мотивационный ресурс для развития культурной элиты в России только тогда, когда не будет диссонанса между творчеством как потребностью и творчеством как ценностью. Например, по утверждению исследователя В.Н. Волкова, творчество играет значимую роль в самоопределении личности, которая проходит две стадии, где на первой «конструирующей стадии «рождаются исходные смыслы всех форм активности» (Волков, 2001, стр. 287), где человек, способный избавиться от эгоизма, обретает духовное бытие. Тогда как именно на второй стадии (стадии творчества) духовное становится источником новых смыслов, то есть «формируется характер деятельности человека» (Волков, 2001, стр. 287).

При этом ценностная характеристика деятельности элиты должна подчеркивать наличие моральных категорий – добро, честь, справедливость, любовь, поскольку тем самым формируется уровень доверия к элитам как таковым. Тогда как нередко приходится сталкиваться со слабостью диалектической связи слова и дела, что объясняется изъятием из их системных отно-

шений логики и адекватного понимания сущности самой политической реальности. «В итоге остаются только противоречия, с помощью которых политики пытаются управлять хаосом развития» (Карабущенко & Гайнутдинова, стр. 62).

Значительное количество мыслителей и исследователей, в том числе в области психологии (А. Маслоу, А. Адлер, М. Аргайл, К.-Л. Бюлер, К. Гольдштейн, Р. Мэй, К. Роджерс, К. Хорни, Э. Фромм, К.-Г. Юнг и др.), отмечали predisposition человеческого организма к позитивной тенденции развития, которая изнутри подталкивает его к дальнейшему совершенствованию (Маслоу, 2008, стр. 88). По сути, сама мотивация основывается на механизмах духовного самосовершенствования личности. Соответственно, ценность творчества создает предпосылки для самобытного пути своего развития, определяя нестандартные варианты реализации задуманного.

Заключение

Таким образом, творчество только тогда будет мотивационным ресурсом для развития культурной элиты в России, когда будет восприниматься не только как потребность субъекта, обусловленная природной необходимостью, но и как ценность, производная от духовно-нравственного уровня развития личности и способствующая раскрытию скрытого ресурса позитивных и созидательных возможностей как, своего рода, синергетический эффект в условиях создаваемого хаоса.

Список литературы

- Бергсон, А. (2017). Творческая эволюция. Азбука.
- Бердяев, Н. А. (1989). Смысл творчества. В *Философия свободы. Смысл творчества* (с. 252–580). Правда.
- Буданов, В. Г. (2009). Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании (3-е дополненное изд.). ЛКИ.
- Бэкон, Ф. (1977). Сочинения в двух томах (Второе, исправленное и дополненное, Т. 1). Мысль.
- Волков, В. Н. (2001). *Онтология личности*. Ивановский государственный университет.
- Гоббс, Т. (1989). Сочинения в 2 томах (Т. 1). Мысль.
- Карабущенко, П. Л. (2020). Философские корни элитологии. *Вопросы элитологии*, 1(1), 16–44.
- Карабущенко, П. Л., & Гайнутдинова, Е. В. (2020). Политическая герменевтика и современная элитократия. *Вопросы Философии*, 4, 58–68.
- Маслоу, А. (2008). *Мотивация и личность* (3-е изд.). Питер.
- Монтень, М. (1992). *Опыты* (Т. 1). Голос.
- Поппер, К. Р. (1983). *Логика и рост научного знания* (О. В. Н. Садовский, Ред.; П. др, Пер.). Прогресс.
- Соловьев, В. С. (1990). *Смысл любви*: Т. в 2 т. Т. 2 (с. 822). Мысль.

Чудин, А. А., Гуляев, С. В., & Глуховенко, Ю. М. (2019). Механизм создания синергетического эффекта на регулярной основе. *Инновации и инвестиции*, 3, С. 134–140.

References

- Bacon, F. (1977). *Writing in 2 vols. (T. 1). Mysl'*. (In Russian)
- Berdyayev, N. A. (1989). The Meaning of Creativity. В *Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity.* (p. 252–580). Pravda. (In Russian)
- Bergson, A. (2017). *Creative Evolution.* Azbuka. (In Russian)
- Budanov, V. G. (2008). *Methodology of Synergetics in Post-classical Science and in Education (3rd supplement).* LKI. (In Russian)
- Chudin, A. A., Gulyaev, S. V., & Glukhovenko, Y. (2019). Mechanism for creating a synergistic effect on a regular basis. *Innovations and Investments*, 3, 134–140. (In Russian)
- Hobbes, T. (1989). *Writing in 2 vols. (T. 1). Mysl'*. (In Russian)
- Karabushenko, P. L. (2020). Philosophical Roots of Elitology. *Questions of Elitology*, 1, 16–45. (In Russian)
- Karabushenko, P. L., & Gainutdinova, E. V. (2020). *Voprosy Filosofii. Political Hermeneutics and Modern Elitocracy*, 4, 58–68. doi:0.21146/0042-8744-2020-4-58-68 (In Russian)
- Maslow, A. (2008). *Motivation and Personality (3rd изд.).* Piter. (In Russian)
- Montaigne, M. (1992). *Experiments (T. 1).* Golos.
- Popper, C. R. (1983). *Logic and the rise of scientific knowledge (O. V.N. Sadovsky, Ред.; P. English. L.V. Blinnikov, Пер.; с. 605).* Progress.
- Soloviev, V. S. (1990). The meaning of love (T. 2, с. 822). *Thought.*
- Volkov, V. N. (2001). *Personality Ontology.* Ivanovo State University.

Moral Creativity as the Creation of a Worthy Life in the Philosophy of the Roman Stoics

Andrey V. Mironov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: [andreyvmironov\[at\]gmail.com](mailto:andreyvmironov@gmail.com)

Abstract

Civic interest in the positive transformation of society is directly related to the value orientation of the individual - an independently chosen worldview model, established in the form of stable behavioral priorities and motivating personal growth through social participation. Moral creativity is one of the perspectives of a person's spiritual life, in which the dominant social moods are mirrored. The search for alternative schemes of moral regulation of relations with others can serve as an indicator of social instability. The configuration of emotional impulses and rational reasoning forms a system of personal vectors of self-improvement aimed at satisfying individual needs for stable value foundations of life. Detachment from the generally significant tasks of society becomes the result of a discrepancy in the understanding of the essential goals of the individual. The creation of new moral teaching, their conditionality, the mechanism of implementation, the balance of individual and public interests requires detailed analysis and scientific attention.

Keywords

Moral creativity; self-improvement; virtues and vices; autonomy; reflection; moral transformation.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Моральное творчество как созидание достойной жизни в философии римских стоиков

Миронов Андрей Владимирович

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: [andreyvmironov\[at\]gmail.com](mailto:andreyvmironov[at]gmail.com)

Аннотация

Гражданская заинтересованность в позитивном преобразовании социума напрямую связана с ценностной ориентации индивида. Самостоятельно выбранная мировоззренческая модель утверждается в форме устойчивых поведенческих приоритетов, мотивирующая личностный рост через социальное участие. Моральное творчество – один из ракурсов духовной жизни человека, в котором зеркально отражаются доминанты общественных настроений. Поиск альтернативных схем нравственного регулирования отношений с другими может служить показателем социальной нестабильности. Конфигурация эмоциональных порывов и рациональных рассуждений формирует систему личностных векторов самосовершенствования, направленных на удовлетворение индивидуальной потребности в устойчивых ценностных основаниях жизнедеятельности. Отстраненность от общезначимых задач социума становится результатов расхождения в понимании сущностных целей личности. Созидание новых моральных учений, их обусловленность, механизм реализации, баланс индивидуальных и общественных интересов требует детального анализа и научного внимания.

Ключевые слова

Моральное творчество; самосовершенствование; добродетели и пороки; автономность; рефлексия; моральная трансформация.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Трансформационные процессы, связанные с изменением экономических и политических форм организации социума, актуализируют проблему индивидуального выбора нравственных приоритетов в качественно новых условиях реализации личностного начала. Недоверие к прежним ценностным установкам стимулирует поиск альтернативных вариантов социализации и самоосуществления, а несогласие с общественной практикой побуждает гражданина обращаться к собственному опыту, что обуславливает риск распространения нигилистических и асоциальных тенденций, препятствующих общественному реформированию. Моральное творчество в истории европейской философии всегда было ответом на общественные вызовы, фокусирующее проблематику отношений гражданина с социумом. Альтернативные варианты реализации личности формировались в зависимости от эффективности предлагаемых стереотипов коммуникации, их адекватности ожиданиям индивида, практической ценности. Гуманитарные исследования морального пространства, соотнося ситуативные факторы общественного развития, представляют проверенные временем концепции выхода человека из социального кризиса с помощью созидания нового формата собственной жизни, в котором творчество является определяющим началом.

Методология

Рассматривая проблемы морального творчества можно утверждать, что специфика его реализации связана с ослаблением влияния общественных принципов на сферу личностного сознания. Общепринятая модель ценностей вызывает недоверие у гражданина, побуждая его к созданию альтернативных систем ориентации в коммуникативном пространстве. Таким образом, гипотезой данного исследования является следующее положение: формирование индивидуального кодекса поведения, включающего отношения с другими и социумом, строится исходя из подбора противоположных по смыслу ценностных парадигм, отвечающих индивидуальному представлению о достойной жизни в тех случаях, когда система коллективистской морали оказывается не в состоянии предоставить эффективные способы разрешения моральных конфликтов.

Целью статьи является анализ основных составляющих морального творчества гражданина в условиях нестабильности социальной системы, определение взаимообусловленности ценностных моделей социума и направленности нравственного созидания, сопоставление форм морального творчества и их особенностей в конкретной исторической эпохе. В исследовании используется метод историко-сравнительного анализа, позволяющий реконструировать причинно-следственную связь социальных явлений и обращение к выработке индивидуальных нравственных норм, полученных в результате самосто-

ятельного морального творчества. Применение системного метода оправданно стремлением к формированию целостной модели нравственного процесса конкретной эпохи в ракурсе личностного поиска новых форм коммуникации с социальным окружением.

Моральное творчество и проблема достойной жизни

Основой феномена творчества является человеческая деятельность, направленная на созидание качественно новых объектов, духовных конструкций, эстетических ценностей, отвечающих как потребностям общества, так и отдельно взятого индивида. Разум, эмоции, трудовые навыки мотивируют поиск более совершенных и адекватных форм выражения человеческой сущности. Процесс творчества раскрывается в личностной устремленности к красоте, добру, благополучию и комфорту. Философское творчество возникает как попытка выдвижения новых смыслов и объяснений реальности. Оно предполагало выстраивание с помощью разума новаторской картины мира, включая в сферу своих интересов не только проблемы происхождения и развития природы, естественных закономерностей, но и предложение новых форм взаимодействия гражданина и общества. В различных областях функционирования социума философская креативность приобретала различные ракурсы и ментальную специфику: отказ от прежней модели и формирование новой, соответствующей предлагаемым обстоятельствам; самостоятельное конструирование личностной парадигмы, подразумевающей индивидуальные особенности; общезначимые установки, исходящие из необходимости общественной коммуникации. Данные проекты затрагивали сущность человека, эволюцию нравов, межличностные отношения, контакты с государственной системой и вопросы личностной реализации.

Стабильное состояние социума характеризуется преемственностью ценностных векторов в осуществлении общественных и индивидуальных контактов, передаваемых от поколения к поколению, что структурирует участие индивида в делах сообщества, способствует сохранению принятых обычаев и традиций, повышает уровень доброжелательства между согражданами. Апробированная общественным опытом нравственная модель отношений при таких условиях отвечает интересам большинства населения и у конкретного индивида не возникает потребности в конструировании альтернативных ценностных шаблонов, предполагающих совершенствование уже предложенных. Копирование поведенческих стереотипов является нормой в данные временные отрезки, что обеспечивает признание сограждан и должный уровень самоуважения. Формирование моральных кодексов, т.е. творческий процесс в области нравственности, считается прерогативой государства и общества, исходящих из представлений о всеобщей значимости выбранных ценностных инвектив, их политической целесообразности и социальной направленности. Преобразование привычных стандартов в

пространстве нравственной коммуникации, предъявление собственных методов и приемов нравственного влияния на других и использование их по отношению к самому себе воспринимается как потенциальная угроза общественному согласию и санкционирует моральные формы коллективного остракизма.

Онтологическая и гносеологическая проблематика в определенные периоды истории отходят на второй план, уступая место моральному творчеству, потребность, в котором нарастает по мере кризисных вызовов, переживаемых обществом. Основной сферой их распространения является область гражданской коммуникации. Переходные эпохи (что равнозначно кризисной ситуации) формируют вызовы, касающиеся большинства населения в основных сферах жизнедеятельности. Они включают не только изменения политической формы правления, экономические трансформации, религиозные преобразования, но ставят под сомнение прежний нравственный уклад жизни. Фундаментальное противоречие прослеживается в расхождении декларируемого и реального в области моральных отношений. Акцент переносится с коллективных форм нормотворчества на индивидуальный выбор, соответствующих ценностных установок, отвечающих личностным представлениям о добре и зле, справедливости, истинных ориентирах в общении с другими, гражданской и индивидуальной позиции относительно участия в делах государства и социума. Система границ допустимого и недопустимого в отношении окружающих переживает трансформацию, которая оборачивается набором трудно разрешимых для личности вопросов на фоне недоверия к прежним авторитетам и социальным институтам, отвечающим за выработку и тиражирование общезначимых ценностей. Личность в такой ситуации поставлена перед экзистенциальным выбором: принятия чуждых ее внутреннему миру правил, установившихся в социуме, и угрожающим нравственным принципам индивида или создание уникальной системы отсчета моральных поступков в пределах отдельно взятого субъекта.

Мотивация обращения личности к моральному творчеству детерминруется следующие основаниями: 1) отрицательное отношение к нравственной атмосфере, сложившейся в обществе или в социальной группе, к которой принадлежит индивид. 2) внутренней потребностью в новых ценностных ориентирах, отвечающих альтернативным векторам развития личности, отличным от предлагаемых социумом, 3) осознанная неудовлетворенность собой в контексте других или другими в контексте себя, 4) обретение новых смыслов и целей, предполагающих собственную моральную трансформацию для их осуществления. Выработка новых нравственных требований имеет два основных ситуативных ракурса, раскрывающихся в зависимости от состояния баланса индивидуальных и коллективных интересов. Первый - формирование моральных положений, с помощью которых гражданин включается в совместную деятельность с сообществом для решения общезначимых задач в периоды социальной консолидации и тем самым, пребывает в гармонии с

собой и соотечественниками. Второй – самостоятельное конструирование поведенческих схем и автономной системы ценностей, через которые обеспечивается индивидуальная гармония путем локализации внешнего общественного воздействия. Особое место занимают моральные модели, которые создаются в рамках профессиональной, сословной, религиозной солидарности (рыцарские кодексы, монашеские уставы, кодексы офицерской чести), где верность предложенным нормам служит условием их эффективного существования, а жесткая регламентация правил препятствует негативному видоизменению группы. В качестве предпосылок реализации морального творчества можно считать следующие положения: достаточно высокий уровень разобщенности, установившийся в обществе, терпимость к индивидуальным поведенческим новациям в силу социального равнодушия, наличие традиции, относительно которой происходит сравнение поведенческих стандартов. Историческая обусловленность процесса морального творчества выражается в специфике форм смысловой реализации нравственных схем и восприятия большинством новых подходов к нравственной коммуникации, которые принимают универсальный или элитарный характер в массовом сознании.

Ярким примером созидания моральных моделей является период античности. Отправной точкой понимания нравственного творчества можно считать воплощение в жизнь принципа социальной справедливости, заявленного как основа сотрудничества между гражданами, и охватывающего все аспекты самореализации гражданина. Эмоциональная и рациональная сопричастность с другими устраняла необходимость в поиске ценностных альтернатив и, как следствие, унифицировало формат отношений между гражданином и государством, индивидом и обществом независимо от материального, сословного, интеллектуального уровня. «Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо или зло, такое государство обязательно, по-моему, скажет, что это его собственное переживание, и все целиком будут вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть» (Платон, 1994, стр. 239). По мере генезиса античного социума от расцвета и до эпохи упадка прослеживается тенденция формирования практических учений, отвечающих латентным изменениям в социальной среде. Официальная парадигма взаимодействия власти и человека остается неизменной (легенды, патриотические иллюстрации, представления об общем благе), а реальная картина общественных нравов в восприятии отдельно взятого гражданина не соответствовала выше-названным декларациям. Разложение коллективистской морали вынуждает человека самостоятельно принимать решения в сфере возникающих нравственных коллизий, вырабатывать собственную шкалу ценностных ориентиров, так как прежняя общепринятая традиция разрешения межличностных конфликтов утрачивает свое содержательное начало. «У главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут борьбу между собой за господство. Всячески

стараясь при этом одолеть друг друга, они совершали низкие преступления» (Фукидид, 1989, стр. 281).

Система, построенная на принципах коллективистской морали, (начиная с V по IV века до н.э.) перестает выполнять свое первоначальное предназначение – сплочения граждан для выполнения общезначимых целей. Ей противопоставляется нарастающий в социуме индивидуализм как ответ на явно выраженную разобщенность, ставшую следствием материального расслоения, неумеренного эгоизма, личностных амбиций, неприкрытого лицемерия. Эпатаж киников, радикальный гедонизм последователей Эпикура, отстраненность стоиков опираются на создаваемые моральные учения, представляющие собой целостную структуру взглядов, охватывающую круг актуальных проблем выстраивания линии собственного поведения через сущностные грани понимания себя. Гражданин обращается к моральному творчеству, освободившись от приоритетов и прессинга ранее незыблемых социальных установок, расширяя смысловое поле поиска экзистенциальных опор (самоидентификация, представление об истине, назначение собственной жизни, отношение к общественным ценностям). Критический анализ, сложившейся ситуации в нравственной сфере, стимулирует обращение к прямо противоположным моральным значимостям, как следствие неприятия предлагаемого общественным мнением. Новые учения исходили из стремления человека найти новый путь жизни, направленный на достижение подлинной радости, счастья, гармонии с миром и собой, при этом акцент переносится с внешнего позиционирования в область личностной рефлексии и самосовершенствования.

Социальный кризис, наметившийся в I в до н.э. в пределах Римской империи, стал следствием регресса полисной морали времен Республики, обеспечивавшей возвышение государства, расширение территорий, экономическое процветание. Богатство и роскошь в качестве основных жизненных ориентиров подменяют гражданскую доблесть и самопожертвование во имя интересов этнической общности. Эгоцентризм выступает фундаментальной мотивацией индивидуальных поступков и участием в совместной деятельности. Личное благо превалирует над всеми остальными сущностными предпосылками самореализации (Виппер, 1948, стр. 43-63; Светоний, 1988, стр. 23-512; Утченко, 1976, стр.229). Доверие к другим и самой социальной системе падает почти до нулевой величины, так как вера в благородные порывы человека не получает подтверждения в реальном пространстве нравственных действий. « Все те, кто испытывали какую-либо неудачу или обиду, все те, кто считали, что общество не доставило им достаточно хорошего положения, все беспокойные, честолюбивые и недовольные спешили воспользоваться этим случаем (предательством – А.М.), чтобы поправить свое положение или отомстить» (Буассье, 1915, стр. 153). Напряженная политическая борьба, направленная на получение материальных и властных преференций, повышение статуса в управленческой вертикали, удовлетворение амбиций через близость к императорской персоне стимулирует применение таких человеческих

качеств как лицемерие, зависть, подозрительность, интриганство, что отвращает индивида от совместного сотрудничества и нивелирует общие цели, переводя спектр личностных стремлений в частную сферу. В этот период гедонизм становится тотальным фактором общественного сознания древнего Рима, трансформируя энергию, время, помыслы, интересы гражданина в непрерывный поиск новых наслаждений, подменяя собой прежнюю социальную модель ценностей и возможностей самоосуществления.

Непризнание человеком, навязываемых социумом доминант, оборачивается пробуждением чувства неудовлетворенности собой, а лживость официальной системы является исходным началом обращения к моральному творчеству. Учение позднестойческих мыслителей – Л.А. Сенеки, М. Аврелия, Эпиктета разворачивалось в двух ракурсах: 1) личностное понимание подлинных целей жизни и способов их достижения, 2) помощь желающим найти новые пути к счастью и полноте бытия. Выбранная манера изложения собственных взглядов отталкивается от навязывания, убеждения в единоличной правоте, диктата транслируемых идей, она рассчитана на сотворчество с другими, в котором разум и эмоции представляют собой синтез усилий и чувствований необходимый для реформирования своей собственной жизни, в надежде на установление гармонии с истинными ценностями. Предлагаемые нарративы выступают в качестве мотивации к размышлениям, анализу и последующему воплощению. Отказ от опоры на абстрактные рассуждения и концентрация на практической составляющей выбора нравственных форм и действий сближает лейтмотив текста с воспринимающим его читателем, формируя условия реализации полученных знаний. Моральное творчество в учении поздних стоиков является единственным выходом в сложившейся ситуации социального безразличия.

Творчество и мораль

Конструирование нравственного учения предполагает фундаментальную платформу, определяющую большинство ракурсов идентификации индивида при вхождении в коммуникацию с другими, социумом, государством и содержащую прерогативы ценностных отношений с миром. Объемность, целостность, универсальность этого основания расширяет границы ее применения в практических действиях. Исходя из негативного восприятия общественной системы мыслителями поздней античности (Сенека, М. Аврелий, Эпиктет) сходятся в признании природы определяющим фактором в выборе приоритетов ориентации в личностном и социальном пространстве. Данный фокус проецирует новую траекторию жизненных интересов и приложений гражданина, что кардинально видоизменяет его мироощущение. Подменяя тщеславие, корысть, властолюбие, самолюбование, которые искажают истинную картину бытия естественными радостями – красотой, гармонией, добром человек преображается и актуализирует подлинные свойства

своего «Я» и тем самым, творит обновленное самосознание. «Назови им, что природа создала необходимым, что излишним, какие легкие она предписала нам законы, как приятно жить, следуя им, и, как трудно и горько тем, кто верит людскому мнению больше, чем природе» (Сенека, 1986, стр. 95). «Искусство жизни» и состоит, по мнению стоиков» в созидании новых свойств характера, открывающих мир в иных плоскостях и с другими акцентами.

Средством изменения сущности человека становится разум, совершенствуя который индивид получает возможность управлять своими страстями, разделять добро и зло, аморальное и нравственное. Его главное предназначение – освободить человека от диктата общественного мнения, сформировать чувство независимости и веру в собственные силы. Усилия, направленные на избавление от пороков и слабостей, оправдываются рационально выстроенным балансом возможного и невозможного в условиях социального существования. Созидание гражданином нового ракурса своей личности преломляется в области морального применения, где ответственность за последствия поступков не разделяется ни с кем кроме самого себя. В ситуации торжества принципов коллективистской морали опора на разум имеет вторичное значение, так как компенсируется устойчивыми традициями и этикетными нормами. Обстоятельства общественного кризиса, выражающиеся в недоверии гражданина к социальным установкам, повышают требования к развитию интеллекта, с помощью которого осуществляются необходимые шаги к самосовершенствованию. «Человек должен поступать так, как указывают ему совесть и разум его» (Эпиктет, 1995, стр.207). Творческий посыл в «Нравственных письмах к Луцилию» Л.А. Сенеки тождественен с готовностью индивида к изменениям, которые должны сформировать новую комбинацию моральных качеств. Освобождение от навязываемых мировоззренческих шаблонов проявляется в самостоятельном принятии решений, охватывающих спектр воспитания и реализации качеств, предназначенных для замены прежнего алгоритма ценностных приоритетов. Чтение, путешествия, наблюдения, рефлексия, по замыслу автора, должны способствовать исполнению сознательно выбранных целей через расширение диапазона представлений о мире и человеческой сущности, что позволит построить новую модель коммуникации с другими. Человек, ставший на путь самосовершенствования, выступает в статусе творца, первооткрывателя, конструктора, варьирующего особенностями своей эмоциональной наполненности, соотношением телесного и духовного, спецификой личного опыта. В этом процессе происходит отделение личностных интересов от социальных обязанностей и, тем самым создается демаркационная линия между автономным творчеством индивида в сфере нравственных преобразований и общественными уложениями, распространяющимися на всех членов сообщества. Конфликты, непонимание окружающими новых интенций личности в данном контексте могут восприниматься, как расхождение старого и нового подходов к моральному реагированию.

Креативность стоической моралистики охватывает отношение к богатству и бедности, социальной иерархии, добродетелям и порокам, перенесенным обидам, «погоне за мирскими благами». Определение позиции по этим проблемам связано с достижением автономности морального существования. Управление страстями обусловлено независимостью мышления и только в подобной ситуации реализуются предпосылки морального творчества. Оставаясь наедине с собой, по мнению римских стоиков, человек получает возможность объективно оценивать получаемые от социума правила коммуникации. Погружение в себя, внутренний анализ ошибок и слабостей, соизмерение самостоятельно выставленных целей совершенствования и влияния чуждого мнения становятся поэтапными шагами на пути осуществления нравственного идеала, выбор и конструирование которого стало результатом самостоятельно заданных критериев представления о благой жизни. Принцип автономности в стоической философии можно интерпретировать как соединение теоретических положений с выходом на практические указания тому, кто встал на путь самосовершенствования. Умеренность в пище, отказ от излишеств в дорогой одежде, отмена парадных приемов, скромность в домашнем убранстве, сокращение числа рабов – варианты создания новой модели существования и, как следствие, эти меры самовоспитания задают уровень индивидуального изменения. Не существует унифицированного стандарта нравственных предписаний, гражданин создает собственный кодекс предпочтений исходя из собственных сил и возможностей. В эпоху кризиса Римской империи индивидуализм вытесняет коллективную солидарность, сплоченность, согласие граждан относительно общезначимых вопросов совместного бытия и создает условия личностному моральному творчеству, осуществляемому с учетом быстро меняющихся социальных обстоятельств.

Свобода в моральном творчестве Л.А. Сенеки и особенно Эпиктета выступает в двух качествах: как условие обретения себя и как средство достижения внутренней независимости. Она выступает импульсом движения к добродетельной жизни и ограничивается рамками личного пространства, той области, где человек мог поддерживать собственное достоинство перед самим собой. Превратности судьбы (бедность, социальное изгойство, ссылка в провинцию, политическое преследование) перестают быть действенными, так как не проникают эту область. Индивид сохраняет ее в неприкосновенности, оставляя за собой право внесения изменений: корректировки ее границ, утверждения приоритетов, допустимости сотрудничества с обществом и даже прерывание самого существования. Последний аспект может рассматриваться как смысловую подоплеку морального творчества, доведенную до радикальных выводов. Жизнь и смерть – важнейшие стимулы нравственного преобразования. Осознание конечности бытия должно побуждать человека прожить достойную жизнь, предпринимая усилия сделать ее такой. «Ирония и смерть – две возможности, составляющие привилегию человека и недоступные зверю, – в своей совокупности являют предельную гарантию человеческого досто-

инства, как его понимает античность. В особенности гражданская свобода обеспечивается решимостью «убить себя в нужный момент» (Аверинцев, 1977, стр. 70). Самостоятельный выбор в этом вопросе подчеркивает право человека на создание модели бытия, в которой он выступает самодовлеющим началом, определяющим не только содержание, но и временные границы.

Заключение

В рамках использования метода историко-сравнительного анализа нравственных моделей коммуникации, предложенных в переходную эпоху от республиканских форм правления к императорской власти, получено подтверждение выдвинутой гипотезе о приоритете индивидуального морального творчества в ситуациях деградации систем нравственного ориентирования, выработанных исходя из положений общезначимых интересов. Формирование альтернативного поведенческого кодекса позволяет гражданину сохранить самоуважение, опирающееся на самостоятельно разработанные духовные идеалы. Процесс созидания новых моральных форм обуславливает трансформацию личности, направленную на обретение гармонии с самим собой. В этом контексте общественное мнение, транслирующее чуждые индивиду ценности, воспринимается как препятствие к достижению достойной жизни и нейтрализуется автономностью существования, построенному на принципах независимости и свободы морального выбора. Римские стоики предлагают идею нравственного самосовершенствования, оставляя за индивидом право на создание уникальной системы отношений с миром и другими, учитывая особенности личностного опыта. Саморазвитие должно охватывать сферы внутренней деятельности, которые определяют перспективы индивидуального роста и воспитывают стойкость перед социальными угрозами, подменяющими представления о подлинной нравственной жизни формальными декларациями. Моральное творчество в условиях общественного разобщения – самый эффективный путь сохранения личностью нравственного потенциала.

Список литературы

- Аверинцев С.С. (1977). Поэтика ранневизантийской литературы. Изд-во Наука.
- Буассье, Г. (1915). Картины римской жизни времен цезарей. Изд-во Н. П. Карбасникова.
- Виппер Р.Ю. (1948). Этические и религиозные воззрения Сенеки (Выпуск 1). Вестник древней истории.
- Платон. (1994). Собрание сочинений в четырех томах: Т.3. Изд-во Мысль.
- Светоний, Т. Г. (1988). Жизнь двенадцати Цезарей. Правда.
- Сенека Л.А. (1986). Нравственные письма к Луцилию. Кемеровское кн. изд-во.
- Утченко С.Л. (1976). Юлий Цезарь. Изд-во Мысль.
- Фукидид. (б. д.). История в кн. Историки античности в двух томах: Т.1. Изд-во Правда.

Эпиктет. (1995). В чем наше благо? Римские стоики. Изд-во Республика.

References

- Averintsev S.S. (1977). Poetics of Early Byzantine Literature (p. 342). Nauka Publishing House. (In Russian)
- Boissier, G. (1915). Pictures of Roman life in the time of the Caesars (p. 295). Publishing house of N. P. Karbasnikov. (In Russian)
- Epictetus. (1995). What is our good? (p. 463). Respublika Publishing House. (In Russian)
- Plato. (1994). Collected works in four volumes: V.3 (p. 654). Publishing house Thought. (In Russian)
- Seneca L.A. (1986). Moral letters to Lucilius (p. 464). Kemerovo book. publishing house. (In Russian)
- Thucydides. (1989). History. History in the book. Historians of antiquity in two volumes: V.1 (p. 405). Pravda Publishing House. (In Russian)
- Tranquill. (1988). Life of the Twelve Caesars (p. 512). True. (In Russian)
- Utchenko S.L. (1976). Julius Caesar (p. 365). Publishing house Thought. (In Russian)
- Vipper R.Yu. (1948). Ethical and religious views of Seneca. Bulletin of Ancient History, 1. P. 43-63. (In Russian)

Elitology of Creativity: Worlds of Self-Developing Personalities

Paul L. Karabushenko

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

E-mail: [Pavel_karabushenko\[at\]mail.ru](mailto:Pavel_karabushenko[at]mail.ru) ORCID: 0000-0003-2776-4089

Abstract

Creativity has a beginning described in the Bible but it has no end visible in history. Wherever we cast our eyes, everywhere we see traces of human creative activity. Creativity is an inalienable ability of the mind to self-realization, and as long as the human mind exists, its very creativity will exist. Creativity is a great force that constantly creates a person. Therefore, the role of creativity in the history of mankind is difficult to assess. The entire history of the human race should be divided into pre-creative, when it was not yet a man, and creative, when it has already become such. As a force, creativity has an absolute character - where it is, no one and nothing can resist it.

To the greatest extent, creative power is manifested in the cultural elite, for whose subjects it is the meaning of their lives. It is in the search for this meaning that the creative principle exists in man. As a branch of great elitology, the elitology of creativity explores the problems associated with the worlds of self-developing personalities; creativity of great cultural figures (science, art, religion); the process of creating elite values that make our world a better place, bringing us closer to perfection. All these problems make up the scientific profile of this work, in which the author adheres to an elitist-personalistic approach in assessing the role of creativity in the world history of mankind.

Keywords

Elite; creation; personality; culture; values; perfection; freedom of spirit; personalism; neopersonalism.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Элитология творчества: миры саморазвивающихся личностей

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: [Pavel_karabushenko\[at\]mail.ru](mailto:Pavel_karabushenko@mail.ru) ORCID: 0000-0003-2776-4089

Аннотация

У творчества есть описанное в Библии начало, но у него нет обозримого историей конца. Куда бы мы ни кинули свой взгляд, всюду видим следы творческой деятельности человека. Творчество есть неотъемлемая способность разума к самореализации и до тех пор, пока существует человеческий разум, будет существовать и само его творчество. Творчество есть великая сила, постоянно созидающая человека. Поэтому роль творчества в истории человечества трудно переоценить. Всю историю человеческого рода следует разделять на дотворческую, когда он еще не был человеком и творческую, когда он таковым уже стал. Как сила, творчество носит абсолютный характер – там, где оно есть, никто и ничто ему не может противостоять.

В наибольшей мере творческая сила проявляется в культурной элите, для субъектов которой она является смыслом её жизни. Именно в поисках этого смысла и существует творческое начало в человеке. Как раздел большой элитологии, элитология творчества исследует проблемы, связанные с мирами саморазвивающихся личностей; творчеством великих деятелей культуры (науки, искусства, религии); процессом создания элитных ценностей, которые делают наш мир лучше, приближая нас к совершенству. Все эти проблемы и составляют научный профиль настоящей работы, в которой автор придерживается элита-персоналистического подхода в оценке роли творчества во всемирной истории человечества.

Ключевые слова

Элита; творчество; личность; культура; ценности; совершенство; свобода духа; персонализм; неоперсонализм.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В человеке пребывает некая сила, которая сопровождает его на всем протяжении его истории. Эта сила творит как его самого, так и изменяет окружающий его мир. Имя этой силы – творчество. Творчество – это синтетическое понятие, вбирающее в себя весьма широкий спектр иных категорий, характеризующих его отдельные свойства и качества. Быть человеком и творить – равнозначные смыслы. Суть природы человечества состоит в том, что у всех эта сила и эти способности присутствуют неравномерно. И у каждого творчество проявляется в соответствии с его реализованными способностями.

Изучая проблемы творчества, человечество пытается разгадать секрет собственного бытия, смысл которого заключается в том, чтобы создать свою личность в пределах возможного совершенства. Каждый является тем, чем в нем есть его ценности, системность или бессистемность которых указывает на его качество как личности. Но все определяется творческими способностями и тем, насколько человек умеет их реализовывать. В основе творчества лежит стремление человека сделать что-то самому, усовершенствовать мир в соответствии со своим представлением о совершенстве. Поэтому творчество есть путь человека к совершенству себя и мира, в котором он живет. Без творчества и вне творчества человек ничто, тогда как с ним – он всё. И это «всё» и есть суть (сердцевина) человечества.

Методология

Многообразие проявления творческих способностей человека, наводит нас на мысль о том, что любая классификация этой его деятельности всегда будет неполной и открытой для критических замечаний. Поэтому всякое исследование этого вопроса всегда будет ограниченным и неполным.

В широком смысле, элитология – наука о лучшем, что было когда-либо создано руками и умом человека; в узком – это наука об элите, целенаправленно творящей это самое лучшее, т.е. приносящее не только себе, но и всем благо. Это в идеале. В реальность все обстоит намного сложнее и выглядит не столь изящно и этично. Этика и эстетика элит всегда оставляло желать лучшего. Но это те случаи, когда элитам надлежит над собой серьезно и много работать, чтобы действительно быть лучшими. А лучшими можно быть только тогда, когда ты производишь востребованные обществом новые ценности. В оценке задач, стоящих перед современной элитологией, автор опирается на труды профессора Г.К. Ашина (Ашин, 2010) и его коллег.

Центральной темой элитологии культуры является проблема творчества, за которой стоит тема личности. В своем анализе автор опирается на труды выдающихся философов прошлого, таких как Платон, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев и др., создавших свои концепты философии творчества. Исходным теоретическим моментом являются принципы, разработанные в философии личности

(персонализме) (Н.А. Бердяев, Ж. Лакруа, Э. Мунье). В наше время открылась возможность говорить о неоперсонализме, как элитологии свободного духа.

В элитарной культуре мы видим две стороны – непосредственно сами созданные великим творцом культурные ценности и те идеи, которыми идеологически сопровождается их творчество и его оценка со стороны некоего избранного круга лиц, поклонников или «потребителей» этого высокого творчества. Во втором случае речь идет о возникших уже в XIX – XX столетиях философских концепциях элитарного искусства (Ницше – Шпенглер – Ортега-и-Гассет), собственно и заложивших основу элитологии культуры (Давыдов, 2008, стр.354-365).

Творчество как созидаящая сила человечества

На многочисленных примерах из истории мы видим, что сердцевинной элитологии культуры всегда было, есть и остаётся творчество. Роль творчества в истории человечества носит абсолютный характер. Куда бы мы ни бросили свой взгляд, везде видим его следы. Все, что было создано человеческими руками и разумом – от малого и до великого – все является плодами наших творческих способностей. Поэтому история человечества есть история его творчества, где каждый проявляет столько творчества, сколько способна вместить и излить из себя его личность.

По мнению Н.А. Бердяева, «Творческие порывы сопровождают всю историю человека... Творчество не есть только борьба со злом и грехом, – оно создает иной мир, продолжает дело творения... Творческая тайна была закрыта грехом. В падении человека ослабляются творческие силы человека... Творец не хочет знать, что сотворит человек, ждет от человека откровений в творчестве, и потому не знает того, что будет антропологическим откровением» (Бердяев, 1994, стр.115, 114). Но творческие искания человека приводили его не только к Богу, но и уводили его от Бога. Отказ от Бога порождает религию атеизма. Это творчество выходит за рамки исторической традиции в сферы тотальной неопределенности, где все можно, но не все возможно. Атеизм тоже борется с грехом, который усматривает в религиозной святости.

Элитология творчества изучает жизнь и деятельность выдающихся личностей, творцов мировой культуры. Культ выдающихся людей во Флоренции времен правления Козимо Медичи (XV в.) стало толчком начала эпохи Возрождения. Именно тогда были созданы образцы высокой (элитной) культуры, ценности которые не утратили своего значения и в наше время. Именно эта способность – быть вне времени – и отличает элитность от массового производства («штамповки», подделки, тиражирования).

Одни народы проявляли себя в созидании, другие в разрушении. Оказывается, что и разрушая чужое, человек может создавать что-то свое. Разрушая цивилизации, варвары проявляли свое понимание и свое отношение к чужому как враждебному и не нужному. Прорывая канал, землелепец разрушал

девственный ландшафт, ломая с точки зрения кочевника естественную красоту природы. Его деятельность он может оценивать как варварство и насилие. И его можно понять – городские цивилизации небезупречны в отношении соблюдения экологических норм. В письме к Ф. Энгельсу (25.03.1868 г.) К. Маркс отмечал, что культура, «если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню» (Маркс, Т.32. 1957, стр.45). Классик имел в виду необдуманное (потребительское) отношение человека к природе. Но эту мысль можно распространить и на культурные сферы его деятельности, где уровень сознательности требует гораздо большей концентрации.

О силе творчества как создателя человеческого рода догадывались и многие обыватели. Так, в понимании человека XIX в. *g nie createur* (фр. «творческий гений») понималась как сила, которая дает начала новому качеству и достигает некоторые «степени совершенства» (Ермолов, 2014, стр.91). При этом он непременно должен приманивать к себе все хорошее и доброе, отталкивая от себя все дурное и злое. Попутно заметим, что данное мнение выражал человек весьма далекий от культуры, но весьма образованный для своего времени.

Творчество связывается с реализацией человеком своих талантов. «Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, проявившийся в действительности, т.е. всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий; они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности» (Плеханов, 1956, Т.2. стр.330).

Научно творчество до конца просчитать невозможно. Большая и непонятная его часть всегда будет оставаться за пределами рационального познания. Именно поэтому в отношении творчества всегда поэтическое иносказание (даже что-то мистическое) будет превалировать над рационально доказанным суждением. С мистической точки зрения, творчество в человеке появляется тогда, когда его души коснутся своими крылами ангелы. Поэтому наивысшее творчество всегда оценивалось как проявление неких сверхъестественных сил, дарованных человеку в знак его стремления к совершенству.

Философия творчества

Творчество – единственная сила, способная превратить человека в самодостаточную личность. Лишенный творческой потенции человек, является простым индивидом. Он индивидуальность, он юридическое лицо и социологическая личность, но не личность в смысле персоналистического начала.

Личностью человек становится тогда, когда начинает творить, т.е. активно заниматься самопознанием и познанием окружающего его мира.

В философии ближе всего к раскрытию природы творчества подошел персонализм (философия личности). Его основоположник Н.А. Бердяев отмечал, что творчество наиболее ярко проявляется «в полете гения»: «Творческое познание, как и всякий творческий акт, есть самообнаружение силы рассекающей, избирающей и отмечающей» (Бердяев, 1994, стр.64, 67). Сам того не ведая, Н.А. Бердяев фактически излагает свое видение творчества в стиле и в духе элитологии культуры. При этом он использует такие термины и значения – «лучшие люди», «достоинство», «избранное», «величие и мощь», «высшее», «иерархия», «совершенное» и т.д. – в которых мы сегодня описываем сущность элитологии культуры. Для нас его философия творчества есть не просто введение в элитологию культуры, но и манифест, объясняющий то, чем должна быть творческая элита для всего человечества.

Само наличие в человеке его творческих способностей указывает на его договоренность с Богом. Именно через этот дар – дар творить – человек имеет возможность радоваться этому миру. «Идея Творца о человеке головокружительно высока и прекрасна. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве заложена в человеке, как печать его богоподобия, как знак образа Творца» (Бердяев, 1994, стр.113). Именно посредством творчества человек становится личностью. «Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта, вот этого имярек... Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может про себя сказать, что он вполне личность. Личность есть категория аксиологическая, оценочная» (Бердяев, 1995, стр.13).

Последователи Н.А. Бердяева (французские персоналисты) продолжили развитие сформулированных им идей. Так, Жан Лакруа прямо утверждал, что «личность – это творчество»: «Именно это существенно отличает ее от индивида, именно это шаг за шагом преобразует общество, и составляющие его личности все больше и больше осознают сами себя» (Лакруа, 2004, стр. 138). Человек осознает себя посредством творчества. И чем выше уровень его творчества, тем глубже основания его самосознания и самопонимания.

Э. Мунье утверждал, что «культура может быть только личностной и метафизической»: «Метафизической – это значит, что ее цели выше человека, выше чувства удовлетворенности, полезности, социальной функциональности. Личностный – это значит, что только внутреннее обогащение субъекта, а не возрастание его умений, деяний или говорения заслуживает имени культуры. Это условие требует, чтобы в будущем культурное пробуждение осуществлялось посредством нарастающего распространения самостоятельных очагов, а не централизованных административных мер; путем медленного формиро-

вания, а не путем поспешных решений» (Мунье, 1999, стр.348). Иными словами, рост элитности в культуре всегда предусматривает серьезные качественные концентрации, требующие одного единственного условия – наличия свободы духа у личности, творящей новые ценности.

В мировой научной и художественной литературе достаточно было высказано критических замечаний в отношении эгоизма и оторванности элитарной культуры от народной традиции. Признавая справедливость этих критических замечаний, мы лишь отметим, что оценка творчества элитной личности всегда требует индивидуального подхода, поэтому подобного рода обобщения здесь не всегда уместны. Эгоизм творца (художника) часто оборачивается для него самого одиночеством, которое не всегда идет ему во благо.¹ Но, несмотря на справедливость всей этой критики, судить «творца» (по нашему глубочайшему мнению) может только другой творец, в противном случае суд оказывается судилищем неравных. Ценность суждений возрастает, когда эти суждения формулируются подлинно элитным сознанием. Самое главное, элитарная культура не должна ничего никому навязывать. В противном случае она оказывается «чужой», она оказывается в роли «захватчика».² И тогда разрыв между массовым и элитарным будет только углубляться.

Теоретические основы элитологии творчества

Платон утверждает, что если бы все идеи были воплощены на практике в своей 100% полноте, мир стал бы совершенным. Поэтому цель творчества – достичь совершенства, заключающегося в реализации каждой конкретной идеи. Поскольку сам человек есть то, носителем каких идей он является, их реализация в нем есть высшая цель его личности. О том, что совершенство есть реализованная на практике во всей своей полноте идея, утверждали многие мыслители прошлого.³

Именно описание творчества является основной частью любой биографии выдающейся исторической личности, особенно в сфере искусства. И именно по проблеме совершенства человеческой природы в научных кругах

1 Так, Т. Манн обращал внимание на то, что элитарно-замкнутое искусство его эпохи со временем попадет в ситуацию «предсмертного одиночества». Он выражал надежду, что будущие художники освободятся от торжественной изоляции: искусство уйдет «от пребывания наедине с образованной элитой» и найдет пути «к народу» (Манн, 1975, стр.195).

2 По этому поводу в свое время высказался А. Маслоу: «Мир искусства, на мой взгляд, захвачен небольшой группой создателей мнений и вкусов». Эти подозрительные лица возомнили себя «вправе говорить: “Либо тебе нравится то же, что нравится мне, либо ты дурак”. Между тем мы должны учить людей прислушиваться к своему собственному вкусу» (Маслоу, 1999, стр.54).

3 Еще Ф. Аквинский по этому поводу утверждал: «о вещи говорят как о совершенной постольку, поскольку она достигает приличествующей ей цели, являющейся её окончательным совершенством. Но именно горящая любовь соединяет нас с Богом, конечной Целью человеческого ума, поскольку «пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог – в нём» (1Ин. 4:16). Следовательно, совершенство христианской жизни всецело состоит в горней любви» (Сумма теологии, IX, 184,1). Совершенство есть рост в человеке его достоинств, физических и духовных качеств (Сумма теологии, IX, 184,4) (Фома Аквинский, 2003).

существует целый kaleidoscope мнений и суждений (Татаркевич, 1981). Можно с уверенностью сказать, что эта тема – проблема совершенства – одна из самых обсуждаемых тем всей человеческой истории. Она же и самая сложная, самая дискутированная в элитологии культуры.

Главная цель элитологии культуры – разгадать структуру кодов творчества великой личности. Согласно У. Эко, вся духовная жизнь человека есть система кодов, смысловое значение которых раскрывается не только на уровне строгого математического анализа, но также и в рамках художественных образов, которые имеют свои особые закономерности (Эко, 2004, стр. 217). Последнее требует системного раскрытия всех уровней имеющихся в производстве смыслов, находящихся в пространстве от исходного замысла до цвета формы его реализации. «Будучи выявленным, этот код может служить моделью при структурировании физико-технического или даже семантического уровней... Эти формы образуются на знаковом уровне, но при этом идентифицировать эти знаки не так просто» (Эко, 2004, стр. 217-218). Методологически элитологические исследования культуры требуют максимальной концентрации всех исследовательских усилий, поскольку речь идет о высших пределах оценки культурного качества. И тот, кто оценивает эти высшие пределы, должен быть хотя бы вровень с тем, что им оценивается. В противном случае будет постоянно ощущаться разрыв между высшим и низшим. Иными словами, элиту должны оценивать специалисты, а не дилетанты.

В коде человеческого рода формула творчества до сих пор остается неразгаданной величиной, посредством которой определяются все остальные виды его разнообразной деятельности. Без творчества и вне творчества нам сегодня трудно представить себе человека. Духовные высоты и низость бездуховного во многом определяются наличием или отсутствием творческих способностей человека, уровнем развития в нем интеллекта, совести и воли.

Если представить схему человека в его развитии, то в основе каждой личности лежит определенная культура, базирующаяся на системе конкретных ценностей, формирование которых непосредственно зависит от творчества. Таким образом, в генетической цепочке развития человечества – «личность – культура – ценности – творчество» – последняя играет ключевую (исходную) роль. Именно творчество создает личность, посредством создания ценностей и культуры. Но само творчество подразумевает наличие личности, в рамках которой оно активизирует свой потенциал. Поэтому на начальном этапе творчество формирует личность, для того чтобы затем уже сама личность активно продвигала творчество.

Творчество – это то, что отделяет человека от животного. Но человек себя порой ведет крайне неразумно, что возвращает его к дочеловеческой (животной) природе, лишенной радости творчества. Поэтому жизнь человека есть радость – радость собственного творения. Мы живем делом рук своих, которыми руководит наш разум. И только посредством творчества личность

может самовыразиться. Представить персонализм без свободы духа, значит заниматься исследованием его патологий.

Алгоритм генезиса субъекта культурной элиты конкретно прост – качественный рост личностного превосходства, за счет реализации ими своих творческих потенциалов и получения положительного признания итогов их деятельности со стороны профессионального сообщества и истории. Соединение этих двух показателей – активного творчества и позитивного признания – и формирует культурную элитность.

Элитология культуры занимается тем, что изучает процесс сотворения нового культурного качества: как создаются шедевры культуры; что за личности их создают, и какое влияние эти шедевры оказывают на массовую культуру, на массового потребителя.

Ю.Н. Давыдов, в частности, отмечает, что «в шедеврах искусства сублимируется то общечеловеческое, универсальное, что характеризует тип эстетически-чувственного восприятия народа (нации), к которому принадлежит художник – их создатель» (Давыдов, 2008, стр.126). Отношение между массовым и элитарным в искусстве это не столько вопрос их аксиологического разрыва, сколько вопрос постоянно возникающей и исчезающей симфонии.

В оценках деятелей культурной элиты используют такие степени совершенства, как талантливый, известный, выдающийся, великий, гений... Часто эти оценки носят субъективный характер и могут меняться в зависимости от времени. Так, при жизни В. Шекспира он был известен только в узких театральных кругах. Зато в наше время он признанный мировой гений. Признание настигает многих уже после того, как они завершили свои земные дни. Поэтому 99,99% из культурной элиты, кого мы знаем поименно, продолжают жить в виртуальной реальности, оставаясь актуальными для новых поколений «потребителей» их «культурного продукта».

Творческая мастерская культурной элиты

Разгадка человека (его природы) кроется в его творческих способностях и в умении их реализовывать на практике. У каждого мастера выработаны свои особые приемы и методы реализации своих творческих способностей на практике. Говорить об этих частных случаях в рамках настоящего исследования не приходится, поэтому ограничимся некоторыми примерами и их общими признаками.

Как панацея, творчество помогает человеку предотвратить его эмоциональное выгорание; оно спасало его в безвыходных ситуациях, давало надежду, открывало новые перспективы. Творчество позволяет человеку преодолеть одиночество, быть самому себе интересным. Оно позволяло ему обретать симфонию своих различий.

Особую ценность представляют для нас те работы, в которых исследуются «фабрика мысли», «творческая лаборатория» выдающихся деятелей

науки и искусства. «Интерпретация сюрреализма как энциклопедии, то есть своеобразной «суммы знаний в сфере литературы, искусства, культуры, политики и науки прошлого и современности, может быть полезна для понимания диалектики коллективного и индивидуального творчества в авангардизме, особенностей восприятия нарочито загадочной и подчас герметической сюрреалистической образности, а также популярности сюрреализма в XX-XXI веках» (Гальцова, 2019).

В истории нас всегда привлекают люди, каждый из которых прошел свой путь к сильному характеру, каждый из которых вел борьбу со своим несовершенством и смог осознать свои слабости и преодолеть свои недостатки. Успех, слава, гордыня, самореализация и самоотречение – все это и многое другое сопровождает генезис такой личности, закаляет ее, оберегает от разрушения. Чтобы найти себя, надо увидеть себя в акте творчества. Только творчество доставляет человеку истинную радость. «Радость – это побочный продукт, она приходит к людям, которые нацеливаются на что-то большее. Но она обязательно приходит» (Брукс, 2018).

Эта тема интересовала многих исследователей. Так, Джорджо Вазари в своём знаменитом труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» постоянно обращает внимание на то, как великие мастера учились в юности и как они воплощали свое мастерство в зрелые годы. При этом Вазари постоянно подчеркивает одну и ту же мысль – главным учителем человека является сама Природа (Джорджо Вазари, 1956). Известность есть всего лишь приданное мастерства художника. Но учиться у Природы мастер должен постоянно, ибо только тогда не будет предела его мастерства.

В «Записных книжках» Леонарда да Винчи можно встретить такое утверждение: «Жалок тот ученик, который не превосходит своего учителя» (Леонардо да Винчи, 2006б, стр.68). Мастер исповедовал принцип активно творящего ума, который в простое начинает чахнуть (Леонардо да Винчи, 2006а, стр.272). Поэтому для него творить, значило жить. Жить полноценной жизнью, можно только находясь в постоянном творческом процессе.

Одаренная личность постоянно занята изобретением новых смыслов и качеств. Она способна действовать даже в самых неблагоприятных условиях. Так, Бенвенуто Челлини постоянно отмечает, что неприятности и горести только закаляли его характер и совершенствовали его мастерство (Бенвенуто Челлини, 1991). Постоянные занятия своим «ремеслом» воспитывают творческие способности личности, делают ее стрессоустойчивой, способной в нужное время решать важные задачи и проблемы.

Понятно, что у каждой творческой личности были свои особые приемы и способы работы. Кто-то мог пить, кутить и без меры волочиться за женщинами (А. Дюма – отец), а кто-то, напротив, берег свою невинность и считал, что целомудрие и есть главный залог его творческого успеха (И. Кант). Творческая лаборатория поэта С. Есенина и художника С. Дали, композитора П.И. Чайковского и ученого А. Эйнштейна для элитологии культуры всего лишь

частные случаи (примеры), но не общие правила, не инструкции к применению. Однако при всем многообразии подобного творческого опыта неизменным оставалась оценка этого их «труда» – создаваемая ими ценность должна была носить наивысший (элитарный) характер.

Власть творчества и творчество власти

Творчество стало тем самым роковым проклятьем, которое изгнало человечество из рая. Благодаря ему мы стали тем, чем являемся сегодня. Мир человека это мир творчества. Свою власть над окружающим миром человек установил посредством актуализации своих творческих способностей. Из творчества вытекают и все главные характеристики человека. Хочешь быть человеком – прояви себя в творчестве. Хочешь быть личностью – увековечь себя в творчестве. Короче говоря, там, где творчество, там и человек.

Творческая элита создаёт главные ценности нашего бытия. Сущность элиты как раз и заключается в том, чтобы создавать новые ценности. Именно в этом и заключается её главная сущность. Элита нужна только для этого. И когда элиты перестают производить новые ценности, они перестают быть элитами.

Мир творчества – это мир создания новых ценностей. И главной ценностью является сам человек, который посредством творчества приобретает свои новые дополнительные качества, ведущие его к совершенству. Творчество совершенствует человека, делает его божественным существом, ибо через творчество мы приближаемся к самому Творцу.

Творческие амбиции главный двигатель развития человечества. Мир человека есть мир творчества одаренных личностей. Личность проявляется в творчестве. Именно через акт творчества личность становится самостоятельной единицей бытия. Многочисленные обратные примеры лишь подтверждают правильность этого нашего утверждения.

Для научной и культурной элиты творчество является обязательным фактором их полноценного профессионального существования. Рост или упадок их профессионализма измеряется наличием или отсутствием у них творческих способностей. В политике творчество хотя и не обязательно, но тоже проявляет себя в качестве детерминанты. Известно, что власть, основанная на творчестве, непобедима. Ее может одолеть только другое – более совершенное творчество. Поэтому борьба за власть есть борьба творческих потенциалов.

Как показывает политическая история, наиболее эффективной и успешной является та власть, которой удавалось проявить максимум своих творческих способностей. Именно креативные способности политиков всегда были самой уязвимой точкой в их профессиональной компетенции. Низкий уровень профессионализма порождал эффект карнавальной политической культуры, когда политики превращаются в откровенных политиканов (полити-

ческих клоунов и шутов) и все их действия являются пародией и карикатурой на политику. Но стоит им проявить хоть каплю творчества, как ситуация начинает изменяться в сторону качественного роста их профессионализма.

Творчество созидает мир по лекалам своего представления о нём – то, каким он должен быть согласно авторским представлениям о совершенстве. Скорее всего, именно идея совершенства является наивысшей в мире идей, и даже сам Платон стремился познать и осознать ее в качестве такой константы. Идея совершенства – это Полярная звезда в мире идей.

Элитология творчества исследует поэтапный процесс того, как хорошее превращается в лучшее, а само лучшее трансформируется в совершенное. Творчество не терпит статики. Оно всегда в динамике. Статичность в ней может быть только в виде фиксации статуса достигнутой ценности. Но это только временное ее состояние, поскольку ценность всегда требует роста своего качества в сторону совершенства. Само же совершенство уходит в творческую бесконечность – это непрерывный процесс, у которого возможен только относительная завершенность. Здесь никогда невозможна финальная точка. Здесь всегда допустимо только многоточие...

Заключение

История человечества есть история прихода и ухода из повседневности творческого начала. Когда и где оно появляется, возникает и смысл человеческого бытия. Там и когда оно исчезает, теряется и сама разумная жизнь человека. В истории это «темные времена», от которых не сохранилось ни единой буквы здравого смысла. Поэтому вся история жизни человека уместается между минимальными и максимальными величинами его творческой активности.

Личность человека есть самое главное творение, ибо в ней творчество находит свое наивысшее самовыражение. «То», что способно творить, потенциально уже обладает признаками личности. Играющий в кубики ребенок, начинает переживать в себе рост своих личностных качеств (достоинств), проявляя фантазию и изобретательность в своей игре. Перед ним с нуля и до бесконечности открыты просторы совершенства, и он совершенствуется с максимально возможными темпами своего роста. В этот момент он обладает наибольшей полнотой элитности, ибо он творит самого себя. Выдающимися и великими становятся те, кто сохраняет и усиливает этот потенциал на всем протяжении своей жизни... Их жизнь никогда не завершается, уходя в многоточие...

Список литературы

- Аквинский, Ф. (2003). Сумма теологии. Часть I. (С. И. Еремеев, Пер.). Эльга, Ника-Центр, Элькор - МК, Экслибрис.
- Ашин, Г. К. (2010). Элитология: История, теория, современность: Монография. МГИМО (У).

- Бердяев, Н. А. (1994). Смысл творчества. В *Философия творчества, культуры и искусства* (Т. 1, с. 37–341). Искусство.
- Бердяев, Н. А. (1995). Царство Духа и царство Кесаря (П. В. Алексеев, Ред.). Республика.
- Брукс, Д. (2018). Путь к характеру. Манн, Иванов и Фербер.
- Вазари, Д. (1956). Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих (А. Г. Габричевский, Ред.; А. И. Венедиктов, Пер.; Т. 1. Искусство.
- Гальцова, Е. Д. (2019). Творчество Андре Бретона как энциклопедия сюрреализма. ИМЛИ РАН.
- Да Винчи, Л. (2006). Суждения (А. А. Губер, Пер.). Эксмо.
- Да Винчи, Л., & Эфрос, А. М. (2006). Записные книжки (А. А. Губер, Пер.). Эксмо.
- Давыдов, Ю. Н. (2008). Искусство и элита. В *Труд и искусство: Избранные сочинения* (с. 670). Астрель.
- Ермолов, А. П. (2014). Кавказские письма. 1816–1860 (Я. А. Гордин, Ред.). Журнал «Звезда».
- Лакруа, Ж. (2004). Персонализм: Истоки – основания – актуальность. В И. И. Блауберг (Пер.), *Избранное: Персонализм* (с. 5–165). РОССПЭН.
- Манн, Т. (1975). Письма. Наука.
- Маркс, К. (1957). Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом (январь 1868– середина июля 1870): Т. т. 32 (с. 804). «Политиздат».
- Маслоу, А. (1999). Новые рубежи человеческой природы. Смысл.
- Мунье, Э. (1999). Манифест персонализма. Республика.
- Плеханов, Г. В. (1956). К вопросу о роли личности в истории. В *Избранные философские произведения в 5-ти Т.* (Политиздат, Т. 2, сс. 300–334).
- Татаркевич, В. (1981). О счастье и совершенстве человека. Прогресс.
- Челлини, Б. (1931). Жизнь Бенвенуто Челлини (М. Л. Лозинский, Пер.). Academia.
- Эко, У. (2004). Отсутствующая структура. Введение в семиологию (В. Г. Резник, & А. Г. Погоняйло). Symposium.

References

- Aquinas, T. (2003). Sum of theology: V. Part I. Elga, Nika-Center, Elkor-MK, Ex-libris. (In Russian)
- Ashin G.K. (2010). Elitology: History, theory, modernity: Monograph (p. 600). MGIMO (U). (In Russian)
- Berdyaev N.A. (1994). The meaning of creativity (V. 2, p. 37–341). Art. (In Russian)
- Berdyaev N.A. (1995). The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar (P. V. Alekseev, & R. K. Medvedeva, Ed.; p. 383). Republic. (In Russian)
- Brooks, D. (2018). Path to character (p. 400). Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian)
- Cellini, B. (1991). Life of Benvenuto, son of Maestro Giovanni Cellini, a Florentine, written by himself in Florence (p. 736). Academia. (In Russian)
- Davydov Yu.N. (2008). Art and elite (V. V. Sapov, Ed.; p. 670). Astrel. (In Russian)
- Eco, W. (2004). Missing structure. Introduction to semiology (V. G. Reznik, & A. G. Chase, Ed.; p. 544). Symposium. (In Russian)
- Ermolov A.P, & A.P. (2014). Caucasian letters.1816–1860 (p. 832). Zvezda Journal LLC. (In Russian)

- Galtsova E.D. (2019). The work of Andre Breton as an encyclopedia of surrealism (p. 352). IMLI RAN. (In Russian)
- Lacroix, J. (2004). Personalism: Origins—Foundations—Relevance (p. 5–165). ROSSPEN. (In Russian)
- Mann, T. (1975). Letters (p. 464). Literary monuments. (In Russian)
- Marx, K. (1957). Correspondence between K. Marx and F. Engels. Works, 32, 804. (In Russian)
- Maslow, A. (1999). New frontiers of human nature (p. 590). Meaning. (In Russian)
- Mounier, E. (1999). Personalism Manifesto (p. 559). Republic. (In Russian)
- Plekhanov G.V. (1956). On the question of the role of personality in history: V. 2 (p. 300–334). Politizdat. (In Russian)
- Tatarkevich, V. (1981). On the happiness and perfection of man (p. 367). Progress. (In Russian)
- Vasari, G. (1956). Add To Selected Biographies of the most famous painters, sculptors and architects: V. I (p. 633). Art. (In Russian)
- Vinci, L. (2006a). Judgments. M.: «Eksmo» (p. 416). (In Russian)
- Vinci, L. (2006b). Notebooks (p. 224). Eksmo. (In Russian)

Yuri Nikolaevich Davydov and Modern Elitology: Review on the Book of Yuri. N. Davydov «Art and Elite» (1966)

Leonid Ya. Podvoisky

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Abstract

Elitological science is constantly fed by works from related scientific areas where the problems of the elite and eliteness are considered. Among such works is the well-known work of Yu.N. Davydov «Art and the Elite», which was actually completed in the 1960s. on the topic of elitology of culture. This is one of the first fundamental works which made attempts to study the phenomenon of elite art and elite culture systematically.

It was written and published in those years when the word «elite» itself was banned in the Soviet Union. The uniqueness of this book also consisted in the fact that the author was able to bypass the sharp ideological «corners» of that time very successfully which were obligatory for work on such issues. At the same time, the contribution of Yu.N. Davydov in the development of world and domestic elitist thought has not been fully appreciated. In the elitist community, his name is practically little known and rarely mentioned. This material is intended to partly fill this void, eliminate the existing injustice and appreciate the work of an outstanding Russian researcher of elite culture.

Keywords

Art; elite; creation; perfection; the beauty; aesthetics; ethics.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Юрий Николаевич Давыдов и современная элитология: рецензия на работу Ю.Н. Давыдова «Искусство и элита» (1966 г.)

Подвойский Леонид Яковлевич

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

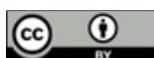
Аннотация

Элитологическая наука постоянно подпитывается трудами из смежных научных направлений, в которых, так или иначе, затрагиваются рассматриваемые ею проблемы элиты и элитности. К числу таких работ относится известный труд Ю.Н. Давыдова «Искусство и элита», который фактически был выполнен еще в 1960-х гг. по теме элитологии культуры. Это одна из первых фундаментальных работ, в которых сделаны попытки системного изучения феномена элитарного искусства и элитной культуры.

Она была написана и опубликована в те годы, когда в Советском Союзе само слово «элита» вообще было под запретом. Уникальность этой книги состояла еще и в том, что автору удалось весьма успешно обойти острые идеологические «углы» того времени, обязательные для работ по такой проблематике. Вместе с тем вклад Ю.Н. Давыдова в развитие мировой и отечественной элитологической мысли так до конца и не получил должной оценки. В элитологическом сообществе его имя практически малоизвестно и редко упоминается. Данный материал призван отчасти восполнить эту пустоту, устранить существующую несправедливость и по достоинству оценить творчество выдающегося отечественного исследователя элитарной культуры.

Ключевые слова

Искусство; элита; творчество; совершенство; красота; эстетика; этика.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В истории науки есть работы ученых, которые не теряют своей значимости и спустя весьма солидное время. Они остаются актуальными и к ним постоянно обращаются все новые и новые поколения исследователей. К таким работам относится вышедшая еще в 1966 г. книга известного российского социолога и философа Юрия Николаевича Давыдова (1929 – 2007) «Искусство и элита» (М.: «Искусство», 1966. – 344 с.). Эта работа заслуживает более пристального внимания со стороны элитологической науки, чем ей было уделено до этого. Наряду с работами Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина ее следует рассматривать как существенный вклад в процесс познания смысла элитарной культуры и искусства и создания системы знаний по направлению элитология культуры. Высказанные в «Искусстве и элите» идеи, были затем продолжены в других исследованиях Ю.Н. Давыдова, оценка значения которых для современной элитологической науки тоже ждет своего часа (Давыдов, 2008b).

Уже во «Введении» к работе «Искусство и элита» Ю.Н. Давыдов пытается сформулировать свое видение и понимание сущности искусства. Устанавливая разграничительные линии между наукой и искусством, он отмечает наличие дистанции между рациональным и чувствительным в человеческой природе. Искусство может существовать только в атмосфере человеческой чувствительности – эстетика не может отрываться от ритма жизни (Давыдов, 2008а, стр.126 и далее).

Красной нитью через всю работу Ю.Н. Давыдова проходит мысль о необходимости критики буржуазной культуры за ее элитаристские, т.е. оторванные от реальной жизни доктрины. Постулаты о «чистой культуре», «чистых идеях» и т.п. оказываются самым настоящим «чистым фарсом» и «чистым лицемерием» (Давыдов, 2008а, стр.359). Именно против этого, в общем и целом, и выступает в своей работе Юрий Николаевич. Для этого ему приходится весьма детально разбирать классические буржуазные теории искусства, начиная от Канта и заканчивая современными ему авторами.

Идеологами «духовной элиты» он считает таких философов прошлого, как Кант, Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер, Ортега-и-Гассет... Они пытались не просто осмыслить роль творца новых художественных ценностей, объявляя его гением искусства, но и создать апологетическую идеологическую систему, в рамках которой буржуазной культуре будет комфортно проповедовать свои духовные ценности. Такие идеологи всегда стремились выстроить непреодолимый «забор» между элитой и массами, между «элитарной культурой и общественным («корыстным», «массовым») интересом. И не всегда этот «забор» выдерживал столкновение с реальной объективной действительностью (Давыдов, 2008а, стр.361).

На протяжении всей истории искусства мы постоянно фиксируем элитарные тенденции, высшей точкой развития которых стало наличие элитарных идей в этике и эстетике (Давыдов, 2008а, стр.132). Эти идеи постоянно сталкиваются с народными представлениями об эстетической оценке

мира, что приводит человечество к некому внутреннему конфликту. Именно анализу этой конфликтности в целом и посвящена вся его работа «Искусство и элита».

Перед нами то, что мы условно можем назвать метафизической элитологией – учение о совершенстве, учение о красоте и гармонии мира. Уже в самой классической философии Ю.Н. Давыдов усматривает наличие элитарной концепции искусства, особенно в учении об идеале, как о стремлении к идеалу, как к достижению «гармоничного равновесия сил» (Давыдов, 2008а, стр.135).

Свое собственное исследование Юрий Николаевич начинает с детального анализа истории рассматриваемого им вопроса. Высшие пределы постижения эстетического были доступны не многим, а лишь тем избранным единицам, которые наиболее глубоко и остро воспринимали и переживали ценности искусства, кто наиболее тонко ощущал высоту красоты и совершенства, свободы творчества, проблему иронической рефлексии и т.д. Со всеми этими элементами была также непосредственно связана еще одна культурологическая проблема – проблема гениальности. Она особенно остро прозвучала в немецкой классической философии (Кант, Шеллинг, Гегель), где ей уделялось весьма серьезное внимание (Давыдов, 2008а, стр.145-147). Автором достаточно подробно разбирается оценка классиков немецкой философии относительно того, как они сами понимали и оценивали феномен элитного в культуре. Свои основополагающие выводы классики сделали в основном из своих критических суждений относительно достижений немецкого романтизма своей эпохи.

Согласно общей точке зрения Ю.Н. Давыдова, базовыми категориями элитологии культуры являются высшие и универсальные философские принципы – этические и эстетические требования, раскрывающие «категорический императив гениальности»: гениальность есть акт свободы, любви и религии, которые однажды превратятся в искусство и науку. И. Кант и Ф. Шлегель утверждали, что от всякого следует требовать гениальности, но не от всякого следует ожидать адекватного решения этого требования (Давыдов, 2008а, стр.148). Кант исходил из того, что каждый нормальный человек способен наслаждаться искусством («чистотой форм») и потому оно в принципе доступно любому нормальному представителю человеческого рода.

Он также останавливается на мысли Гегеля о том, что великий художник всегда нуждается в свободном развитии духа, и, создавая новые культурные ценности, выражает в них свои наивысшие духовные переживания (Давыдов, 2008а, стр.167). Творческая деятельность человека преобразовывает его дух, превращает его искусство в «абсолютное содержание». Но он творит не столько для себя, сколько для своего народа. Поэтому произведениями искусства могут считаться только те творения, которые соответствуют этому культурному императиву. Если его творение оказывается непонятным, то оно оказывается лишенным содержания, не истинно и поэтому не может быть отнесено к числу подлинных произведений искусства (Давыдов, 2008а, стр.171).

Ссылаясь на Гегеля, Юрий Николаевич констатирует, что «проблема доступности (понимания) искусства раскрывается... как проблема взаимоотношения различных уровней художественного сознания, различных последовательных этапов развития художественной культуры, которое характеризуется тем, что низшая ступень не только не противоречит «высшей», а заключает в себе внутреннее стремление к ней. И если «для нас» эти ступени представляются как нечто отличное друг от друга, то «в себе» поистине они тождественны, ибо представляют один и тот же «дух» в его поступательном развитии» (Давыдов, 2008а, стр.177).

Своё видение элитарности культуры предлагали и сами представители немецкого романтизма. У них она выглядит более художественной и менее научно-философской. Так, у Новалиса фигура романтического художника приобретает «универсальные размеры: «гениальный субъект» становится «абсолютным субъектом» - богом, а сама гениальность - «божественным даром» («искрой божьей»), выражением непосредственной причастности высшей творческой силе. Гений художника - это... высшая способность, по отношению к которой разум, фантазия, рассудок, ум - лишь частные функции» (Давыдов, 2008а, стр.186). Художник стремится сравняться с самим творцом, сделаться адекватной ему величиной.

Одно из первых мест, а то и первое, в эстетике занимает категория «красота». «Красота - это не просто характеристика обособленного от реальной жизни «странного мира» искусства... Красота - это основа универсума и выражение его целостности; это подлинная реальность, истинная действительность» (Давыдов, 2008а, стр.188). Именно к этой «истинной действительности» и стремится искусство.

Немецкая философия пытается раскрыть содержание «художественной элиты», анализируя не только связанный с ней феномен гениальности, но и проникая в смысл творчества как процесса. Рассматривая элитарную концепцию искусства Вагнера и Ницше, Ю.Н. Давыдов отмечает, что она нашла свое выражение в т.н. «идее Байрейта».¹ Эта идея расшифровывается как консолидация небольшого круга «друзей особенного искусства» Вагнера, как идея союза гения и той части «публики, которая возвысилась до «гениального умонастроения»... Словом «идея Байрейта» социологически расшифровывается как идея художественной элиты, которая должна была выполнять роль посредника между «особым искусством» Вагнера и грядущими поколениями» (Давыдов, 2008а, стр.267).

Молодой Ницше представлял художественную элиту «байрейтской идеи» как враждебную современному ей искусству группы лиц, которая освобождала поруганное искусство, восстанавливая ее поруганную святыню. Такая элита должна отделиться от продажного большинства и скомпрометировавшей себя

1 Ежегодный летний Байрёйтский фестиваль (Bayreuther Festspiele), на котором исполняются музыкальные драмы Рихарда Вагнера, проводится с 1876 г. в баварском городе Байройте (Байрёйте) в специально построенном для этого театре.

растленной культуры. Такое освобождение искусства – единственный луч надежды в их исторические дни. Для одиноких душ он становится царством красоты и истины, тогда как большинство по-прежнему остается во власти «чадающего огня» своего искусства (Давыдов, 2008а, стр.268).

Мировоззрению байрейтской элиты открыты высшие смыслы и цели бытия. В ее мироощущении проснулся Гамлет, для которого открылись глубинные смыслы расколотого мира. И эта истина начинает вести их к подлинной красоте и чистоте великого искусства. Искусства. Они переживают состояние переворота, когда им открывается истинное состояние вещей. Переживая состояния Гамлета, художественная элита обретает полноту бытия в гениальном искусстве Вагнера (Давыдов, 2008а, стр.269-272). Для самого молодого Ницше это переживание тоже стало поворотной точкой в его биографии. Повстречавшись с творчеством Вагнера (гения) и его художественной байрейтской элитой, он сам пошел тем же самым путем (путем гения), собирая вокруг себя такую же ницшеанскую философскую элиту. В дальнейшем он пересмотрел свои восторженные взгляды в отношении Вагнера, но это уже диалектика развития его творческой лаборатории.

Рассматривая дальнейшее развитие идей элитарной культуры, Ю.Н. Давыдов замечает, что они от сугубо эстетических могли меняться, становиться и приобретать характер так же и социально-экономического содержания. Нечто подобное мы видим в концепции культуры О. Шпенглера, у которого обнаруживается элемент установления «бюрократического контроля» элиты над массами, «над всей системой общественной жизни вообще» (Давыдов, 2008а, стр.333). Такой контроль уже отвечает политическим задачам правящих капиталистических элит и, с точки зрения ортодоксального марксизма, совершенно недопустим.

Вставая на позицию критики пороков буржуазной культуры, Ю.Н. Давыдов отмечает, что ее апологеты пытаются представить дело так, будто бы эта культура постоянно обновляется, что она находится в постоянном поиске новых смыслов. По его мнению, это не так. «Буржуазная культура, отведавшая яблока с древа познания добра и зла и причинившая миру столько же добра, сколько и зла, желает вновь вернуться в состояние блаженной невинности. Это – культура, которая не хочет, чтобы ее принимали всерьез, чтобы с ней обращались строго, предъявляя ей максимальный общественный счет. Только в этом невинно-игровом, беззаботно-веселом, бессмысленно-дурашливом состоянии видится ей перспектива действительно свободного развития. Это ли не признание банкротства буржуазной культуры?» (Давыдов, 2008а, стр.360). Как очевидный сторонник господствовавшего в те годы в СССР соцреализма, Ю.Н. Давыдов видит, что провозглашенная буржуазной культуры свобода носит относительный (т.е. ограниченный) характер и является свободой не для всех, а только для самой элиты.

Стремление буржуазной культуры возвратиться к «невинности», Ю.Н. Давыдов оценивает как возвращение к детству. Тем самым оно стремится огра-

ничить духовную деятельность интеллектуалов от вмешательства в нее корыстного массового интереса. Такое состояние, по его мнению, чревато «блаженным неведением» интеллектуала относительно того, в каких целях правящие элиты используют его творческий продукт. «Такова плата за элитарно обособленный способ существования духовной культуры» (Давыдов, 2008а, стр.360-361). Вообще, элитарность им понимается и трактуется как фатальный разрыв с общественным, как установление непреодолимой дистанции между качеством и количеством. Это антидиалектическое состояние и вызывает у него острую критику, непонимание и отторжение. Ибо находящаяся вне диалектического развития элита – обречена, фатально обречена на снос и забвение...

Буржуазная элитарная культура представляет собой возведенный в ранг творчества эгоизм замкнувшейся на себе личности, глубоко ушедшей в свои проблемы, в проблемы «внутренней эмиграции». Он сравнивает такую «эмиграцию» со страусом, который прячет голову под своим крылом. И, по его мнению, такое страусиное качество элитарного сознания становится своего рода бегством от капиталистической реальности (Давыдов, 2008а, стр.364).

Юрий Николаевич утверждает, что «Ницше, Шпенглер и Ортега-и-Гассет развили наиболее чистые – так сказать, классические – теоретические формы элитарного понимания искусства, которые последовательно сменяли друг друга в период с 70-х годов XIX века вплоть до конца 30-го годов нашего столетия [XX века – Л.П.]... Эти мысли не только очертили круг элитарных идей, но и продумали до конца многие из них, вводя элитарные концепции искусства в широкий контекст проблематики философии культуры. Острое социальное чутье и внушающая уважение способность не останавливаться перед самыми крайними следствиями, логически вытекающими из принятых ими теоретических предпосылок, – вот что отличает этих «классиков» элитарного толкования искусства от их многочисленных эпигонов» (Давыдов, 2008а, стр. 365).

Перед буржуазной элитарной культурой всегда остро стоял вопрос о доступности ее достижений потребителю. Этот вопрос особенно обостряется в условиях кризиса западноевропейского искусства, вызванного столкновением вымышленной системы ценностей с реальностями капиталистического бытия.

«Проблема взаимопонимания между художником и широкой публикой осложняется еще и тем, что художнику дозволяется служить последней только в том случае, если его творчество в той или иной степени отвечает требованиям, предъявляемым к искусству господствующим классом; именно этот класс определяет содержание и направление деятельности учреждений, ведающих производством и распределением духовных «ценностей» (и определяющих их «стоимость»)» (Давыдов, 2008а, стр.369).

Свобода творчества, как и свобода слова в развитых западных демократиях измеряется «цензурой» кошелька, размером и возможностями покупательной способности конкретных слоев населения. «В результате возникает своеобразный социологический парадокс: именно оппозиция к «господствующей

элите», стремящейся утвердить свое идеологическое господство в обществе путем установления контроля над массовым духовным производством, приводит целый ряд радикально настроенных художников к новой разновидности элитарной концепции искусства. Основное положение этой концепции заключается в том, что по отношению к современному государственно-монополистическому «инертному обществу» революционизирующую роль может сыграть лишь искусство, обособившееся от масс, искусство немногих, искусство избранных» (Давыдов, 2008а, стр.369).

В заключение отметим, что мы сами знаем, насколько трудно бывает давать оценку явлениям, которые относятся к числу высоких образцов элитной культуры (Подвойский, 2020). Подобного рода оценки требуют повышенной объективности и адекватности. Во всяком случае, она не терпит субъективизма и тем более волюнтаризма. Ничего подобного в работе Ю.Н. Давыдова мы не находим. Напротив, мы видим системный подход и глубокий философский анализ рассматриваемой им проблемы. На такие работы как «Искусство и элита» рецензии надо писать каждое десятилетие. И каждый раз будут открываться все новые и новые её стороны, возникать новые мысли и оценки этого вклада в развитие элитологической мысли.

Мы знаем, что друг и коллега Ю.Н. Давыдова профессор Г.К. Ашин весьма высоко оценивал его творчество, и считал его одним из первых отечественных исследователей проблемы элитарной культуры и творчества. Нам остается присоединиться к этой высокой оценке и лишь скорректировать некоторые положения этого автора, в свете последних элитологических тенденций. Полагаем, что подобного рода коррекция этически допустима и научно оправдана, поскольку каждое новое поколение исследователей всегда стремится уточнить и развить наследие своих выдающихся предшественников, с целью общего конструктивного развития научной картины мира...

Список литературы

- Давыдов, Ю. Н. (2008а). Искусство и элита. В Труд и искусство: Избранные сочинения (с. 670). Астрель.
Давыдов, Ю. Н. (2008b). Любовь и свобода: Избранные сочинения. Астрель.
Подвойский, Л. Я. (2020). Платоносфера: Избранные труды (Р. Г. Резаков, & П. Л. Карабущенко, Ред.). Экон-Информ.

References

- Davydov, J. N. (2008a). Art and Elite. В Labor and Art: Selected Works (p. 125–382). Astrel'. (In Russian)
Davydov, J. N. (2008b). Love and Freedom: Selected Writings. Astrel'. (In Russian)
Podvoiskiy, L. Y. (2020). Platosphere: Selected Works (R. G. Rezakov, & P. L. Karabushenko, Ed.). Econ-Inform. (In Russian)

Cultural Elites and Higher Education: Review of the Monograph by G. E. R. Lloyd «Disciplines in the Making: Perspectives on Elites, Learning and Innovation»

(a) Elina A. Sarakaeva, (b) Irena V. Lebedeva

(a) Hainan Professional College of Economics and Business, Haikou, China

E-mail: 2689655292[at]qq.com

(b) Caspian Institute of Sea and River Transport, Astrakhan, Russia

E-mail: irenalebedeva[at]mail.ru

Abstract

This article reviews G. E. R. Lloyd's monograph «Disciplines in the Making: Perspectives on Elites, Learning and Innovation» written within the framework of social anthropology and published by Oxford University Press in 2009. The edition has 224 pages and includes an Introduction, 8 chapters, and an Appendix consisting of a Glossary of specific Chinese terms, a List of References, and an Index. The original title is *Disciplines in the Making: Perspectives on Elites, Learning and Innovation*.

The monograph examines the development of scientific disciplines: from the first chapter the reader learns about the history and role of philosophy in different civilizations and cultures, from the second chapter - about the origin and formation of mathematics as a science, further goes history, medicine, art, law, religion and natural sciences.

The author pays special attention to the role played by the cultural elites of mankind in the formation of scientific disciplines, religion and art, highlighting both positive and negative contributions of the elite. The author writes about both the positive and negative role of the elites.

Keywords

Education, cultural elites, higher education system, academic disciplines, elitism.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Культурные элиты и высшее образование: рецензия на монографию Г. Е. Р. Ллойда «Становление научных дисциплин: элиты, образование и инновации»

(a) Саракаева Элина Алиевна, (b) Лебедева Ирэна Валерьевна

(a) Хайнаньский институт экономики и бизнеса. Хайкоу, Китай.

E-mail: 2689655292[at]qq.com

(b) Каспийский институт морского и речного транспорта, Астрахань, Россия

E-mail: irenalebedeva[at]mail.ru

Аннотация

В статье приводится рецензия на монографию Г.Е.Р. Ллойда «Становление научных дисциплин: элиты, образование и инновации» написанную в рамках социальной антропологии опубликованную Издательством Оксфордского Университета в 2009 году. Издание насчитывает 224 страницы и включает в себя Введение, 8 глав и Приложение, состоящее из Глоссария специфических китайских терминов, Списка литературы и Индекса. Оригинальное название «Disciplines in the Making: Perspectives on Elites, Learning and Innovation».

В монографии рассматривается история возникновения и развития научных дисциплин: так, из первой главы читатель узнает об истории и роли философии в разных цивилизациях и культурах, во второй главе речи идет об истории происхождения и становления математики как науки, далее рассматриваются такие дисциплины как история, медицина, искусство, юриспруденция, религия и естественные науки.

Автор обращает особое внимание на то, какую роль играли и играют культурные элиты человечества в становлении научных дисциплин, религии и искусства, выделяя как позитивный, так и негативный вклад элиты. В монографии автор рассматривает как положительную, так и отрицательную роль элит.

Ключевые слова

Образование, культурные элиты, система высшего образования, научные дисциплины, элитарность.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Большинство из нас, размышляя или упоминая в речи организацию высшего образования в мире исходит из предположения, что наша собственная карта научных дисциплин, в широком смысле, действительна в разных культурах. Монография Г. Ллойда «Становление научных дисциплин» оспаривает это предположение в отношении восьми основных областей человеческой деятельности, а именно философии, математики, истории, медицины, искусства, права, религии и науки. Ллойд рассматривает исторические и кросс-культурные факты, которые проливают свет на различные способы формирования и определения этих дисциплин в различные периоды и цивилизации, особенно в Древней Греции и Китае, а также на то, как понимались отношения между ними, особенно когда одна или другая дисциплина претендовала на главенствующее положение (как это произошло в разное время с философией, историей, религией и наукой). Он также исследует роль элит, как положительную (когда они способствуют профессионализации дисциплины), так и отрицательную (когда элиты ограничивают набор в профессию, когда они настаивают на следовании установленным нормам, концепциям и практике и тем самым препятствуют дальнейшим инновациям). Эти вопросы актуальны для современной образовательной политики в связи с постоянно растущей специализацией, которую мы наблюдаем, особенно в науке, и трудностями, возникающими при использовании возможностей для междисциплинарных исследований.

Монография включает в себя восемь глав, каждая из которых рассматривает историю возникновения и развития вышеупомянутых научных дисциплин: так, из первой главы читатель узнает об истории и роли философии в разных цивилизациях и культурах, из второй главы – об истории происхождения и становления математики как науки, дальше идут история, медицина, искусство, юриспруденция, религия и естественные науки.

Повторяющейся темой в каждой из отдельных глав является существование альтернативных концепций, как отдельных дисциплин, так и границ и отношений между ними. Автор анализирует, как и в каких пределах происходят инновации в процессе развития научных дисциплин и при этом он обращает особое внимание на то, какую роль играли и играют культурные элиты человечества в становлении научных дисциплин, религии и искусства, выделяя как позитивный, так и негативный вклад элиты.

Для примера рассмотрим главу Юриспруденция (Lloyd, 2009, Pp. 111-127), в которой автор сопоставляет становление законов, философии права и правоприменительной практики в странах Арабского мира, в Древнем Китае и в Древней Греции. Не вдаваясь в излишние подробности, отметим, что автор прекрасно владеет материалом, демонстрируя обширнейшую эрудицию. Так, для раздела про Китай он очень грамотно и убедительно сопоставляет конфуцианство в его первоначальной версии (до-сунское конфуцианство), моизм, и легизм, перечисляя таких мыслителей как Мо-цзы, Конфуций, Хань Фэй-цзы, и

цитирует самые важные древнекитайские книги и трактаты (такие как «Весны и Осени господина Люя», «Записи господина Шана», «Аналекты» и пр.).

Сопоставив развитие юридической мысли в Древнем Китае на протяжении веков его истории, автор указывает на существование интенсивных дебатов на протяжении всего периода Борющихся Царств и далее при династии Цинь и Хань, по крайней мере, по четырем фундаментальным юридическим вопросам, а именно: насколько важны письменные кодексы для хорошего управления страной, является ли наложение суровых уголовных наказаний единственным реальным способом обеспечения правопорядка, равны ли все перед законом, и должны ли законы сохраняться в неизменном виде на протяжении веков или адаптироваться к обстоятельствам каждого поколения. При этом автор отмечает, что разные философские школы и разные направления юридической мысли Древнего Китая достигли единогласия по одному фундаментальному вопросу: обязанность правителя состоит в том, чтобы всемерно обеспечивать соблюдение закона, следить за тем, чтобы макрокосм и микрокосм были в гармонии друг с другом. В обязанности советников входило направлять государя по этой стезе своими советами и порицать правителей, которые не заботились о благополучии своего народа. Таким образом, были выработаны некие общие каноны поведения для политических элит, которым они затем следовали на всем протяжении своей политической истории.

Сопоставляя историю развития юриспруденции в Древнем Китае и в Древней Греции, автор отмечает, что в Греции тоже имели место радикальные споры по вопросам, связанным с правом и моралью, изменения в значении ключевых терминов, обсуждения вклада хороших законов и хороших магистратов в обеспечение справедливости, а также конфликты между более и менее эгалитарными механизмами отправления правосудия. Однако в Греции делается не такой сильный акцент на том, что правитель имеет

ответственность перед всей вселенной, а в обязанности советников входит порицать правителя, когда он не справляется со своими обязанностями. Определить, кого следует порицать, в греческом случае часто было трудно, когда политика определялась народом на собрании, а не князьями. И наоборот, идея о том, что вопросы вины и невиновности должны решаться голосованием, то есть путем подсчета голов, была характерно греческой и действительно не имела аналогов ни в одном древнем обществе. Это, конечно, была типично греческая специфика – демократический способ принятия политических решений, но политика и в Древней Греции никогда не была далека от закона (Lloyd, 2009, P. 122).

Заключительная часть работы Ллойда посвящена обсуждению роли культурных элит в развитии религии, науки и искусства. Автор полагает, что элиты разного рода формируются, когда их члены претендуют на специальные знания в какой-то конкретной области – знания, недоступные простому человеку. При этом автор подчеркивает, что роль элиты может быть весьма амбивалентной.

С одной стороны, для развития какой-либо области, как правило, необходимы пионеры, чтобы показать путь вперед, использовать возможности нового исследования или деятельности, или нового направления. Они могут подавать пример - например, когда оригинально мыслящий историк, философ или математик выступает с новыми идеями, сосредотачиваясь на новых целях или идеалах, или применяя новые методы, или когда великий художник, скульптор или архитектор открывает новый стиль. Или же они могут вести за собой, как в манифестах некоторых художников или в трудах художественных критиков, пропагандирующих определенную школу живописи. В каждом случае новатор может создать группу последователей, в руках которых новые концепции и практика становятся стандартом. Когда группы единомышленников указывают путь, предмет или искусство может стать более профессиональным, получить больше поддержки из частных или государственных ресурсов - тогда вокруг него создаются институты, которые помогут обеспечить дальнейшее развитие области.

С другой стороны, элиты не всегда являются двигателями роста. Одним из повторяющихся явлений, на которое Ллойд обращает внимание в своем исследовании, является то, что элита ревностно охраняет свои привилегии, свое право решать каким образом следует изучать предмет или научную дисциплину. Эффект влияния элиты может иногда не стимулировать, а блокировать, не просто задавать рамки для дальнейшего развития, а скорее ограничивать его.

Причину в этом автор видит в самом онтологическом характере элиты. По определению любая элита имеет ограниченный состав. Принимаются ли в закрытое элитарное объединение новые члены или нет, зависит от самих членов элиты. Неофиты могут быть обязаны пройти длительное обучение или испытательный срок, сдать строгие экзамены, проявить себя другими способами, например, убеждая других в своей моральной респектабельности. Критерии дающие право вступления в элиту могут не всегда находиться под исключительным контролем существующих членов, но, безусловно, будут зависеть от их мнения. Но как только новобранцев принимают в круг избранных, дадут ли им волю и поощрят их новаторство, от них будут ожидать соблюдения существующих правил и норм, им будет предписано практиковать свой предмет или науку в уже установленных формах.

Сама строгость вступительных испытаний, которым подвергаются новые члены элиты, может усилить ощущение того, что они впитали в себя все, чему можно научиться. В искусстве долгое ученичество может создать ощущение, что переданные традиции должны и будут продолжаться, хотя на практике следующее поколение часто находит пространство для маневра в рамках стиля, которому их научили. Конкуренция за признание и престиж может стать мощной силой для инноваций, оригинальность в рамках существующего стиля или набора моделей может вылиться в более радикальные дальнейшие инновации в стилях и методах.

Автор подчеркивает, что знания, которыми обладают только представители элиты, могут быть не просто специализированными и эзотерическими, но и представляться сводом ревностно охраняемых секретов, не подлежащих разглашению людям не потому, что они не смогут следовать им, а потому, что они являются эксклюзивными. Социально привилегированные люди могут, сознательно или бессознательно, считать своей главной целью поддержание дифференциации, которая их выделяет. Аналогичный выбор стоит перед теми, чьи привилегии зависят не от рождения, не от унаследованного или приобретенного богатства, а от обучения и воспитания.

В заключение своей монографии автор рассуждает о том, в какой степени культурная элита может чувствовать угрозу со стороны потенциальных вызовов. В медицине, например, научные группы обычно сталкиваются с конкуренцией со стороны практикующих врачей, предлагающих альтернативные концепции лечения и медикаменты. В религии претензии на монополию на истину зависят от веры и покажутся посторонним произвольными. Даже в случае с законом постоянно возникающая проблема заключается в том, на каком основании юридические нормы могут претендовать на объективность. Как может, например, апелляция к божественному авторитету быть оправдана, когда очевидно чисто человеческое авторство многих нормативных актов?

Культурная элита, заключает Ллойд, часто является значимой силой для развития предметной области. К положительным влияниям культурных элит относятся передача знаний и методов, завоевание поддержки и престижа, контроль качества и результатов (особенно в таких областях, как наука и медицина), организация совместных наблюдений и исследований, где сотрудничество прекрасно сочетается с определенным соперничеством, стимулирующим оригинальную работу. К отрицательному влиянию относятся тенденции к формированию закрытых «профессиональных цехов», сопротивление изменениям, блокирование инноваций, авторитаризм и консерватизм.

Монография Г.Е.Р. Ллойда «Становление научных дисциплин: элиты, образование и инновации» написана на высоком научном уровне, содержит богатый фактологический материал и рекомендуется всем читателям, интересующимся элитологией, историей и социальной антропологией.

Список литературы

Г. Ллойд Е.Р. (2009). Дисциплины в процесса становления: межкультурные взгляды на элиты, обучение и инновации. Пресса Оксфордского университета.

References

G. Lloyd, E. R. (2009). *Disciplines in the making: Cross-cultural perspectives on elites, learning, and innovation*. Oxford University Press.

Results of the IV All-Russian Elite Congress with International Participation (Rostov, Astrakhan, Taganrog, Pyatigorsk, 2022)

(a) Grigory L. Akopov, (b) Alexander V. Ponedelkov

(a) South-Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: office[at]rfmstuca.ru

(b) South-Russian Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: ponedelkov[at]uriu.ranepa.ru

Abstract

In March 2022, the regular IV All-Russian Elite Congress with international participation was held in Rostov. It was held both in full-time and in absentia format and gathered more than 200 participants. The general theme of this scientific event was the problem of the transformation of the elite and power in the context of a developing digital system. The congress has become a notable event in modern domestic scientific thought, bringing together representatives of various social sciences and the humanities. The present report is devoted to the analysis of the results of this scientific summit.

Keywords

Congress; elite; elitology; elitologists; science community; digital transformation.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Итоги IV всероссийского элитологического конгресса с международным участием (Ростов, Астрахань, Таганрог, Пятигорск, 2022 г.)

(а) Акопов Григорий Леонидович, (б) Понеделков Александр Васильевич

(а) Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: office[at]rfmstuca.ru

(б) Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: ponedelkov[at]uriu.ranepa.ru

Аннотация

В марте 2022 г. в Ростове состоялся очередной IV Всероссийский элитологический конгресс с международным участием. Он прошел как в очном, так и в заочном формате и собрал более 200 участников. Общей темой этого научного мероприятия стала проблема трансформации элиты и власти в условиях развивающейся цифровой системы. Конгресс стал заметным событием в современной отечественной научной мысли, объединив представителей различных общественных и гуманитарных наук. Анализу итогов этого научного саммита и посвящено настоящее сообщение.

Ключевые слова

Конгресс; элита; элитология; элитологи; научное сообщество; цифровая трансформация.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

25 марта 2022 года на базе Южно-российского института управления - филиал РАНХиГС состоялся IV Всероссийский элитологический конгресс с международным участием, на тему «Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества». В работе Конгресса приняло участие более 200 российских и зарубежных ученых, практически из всех регионов России: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Астрахань, Пермь, Пятигорск, Краснодар, Майкоп, Таганрог, Чита, Томск, Уфа и др.

Открылся конгресс приветственными обращениями руководителей ВУЗов, а также представителей общественных организаций. Так, Председатель Общественной Палаты Ростовской области В.М. Куцев в своем приветственном слове отметил, что «в Общественной Палате Ростовской области приветствуют проводимое мероприятие, так как оно полностью созвучно задачам института Общественных Палат, призванных, кроме всего прочего, осуществлять общественный контроль за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Однако, перед тем, как контролировать деятельность органов власти, надо ясно представлять суть проблем, которые в нашем динамично меняющемся мире кардинально трансформируются, часто приобретая принципиально новые качества. Важно также понимать запросы общества, на которые должна реагировать власть. По нашему мнению, выполнению именно этих важных задач применительно к процессам цифровой трансформации и должна способствовать работа участников Конгресса».

В приветственном слове директора Южно-Российского института управления РАНХиГС В.В. Рудого было отмечено, что: «название нынешнего конгресса указывает на эпохальный характер процессов цифровой трансформации, а из предложенной для обсуждения тематики видно, что цифровые преобразования непосредственным образом затрагивают существующие механизмы управления на всех его уровнях. Еще более важным представляется обсуждение глубинных социально-политических процессов, связанных со становлением таких неизвестных ранее феноменов, как цифровое государство. Безусловно, по-новому в контексте проблем цифровой трансформации звучат традиционные для элитологов вопросы о механизмах современного элитогенеза и его ресурсно-кадрового обеспечения».

Детально на вопросах внедрения цифровых коммуникаций в образовательный процесс остановился ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан Абдрахманов Данияр Мавлярович, который отметил: «Российская система образования находится на этапе качественных преобразований, основанных на использовании цифровых технологий, без которых невозможно решение стоящих перед ней масштабных задач. Одним из приоритетов правительственной программы

«Цифровая экономика Российской Федерации» является активное и поступательное развитие российской системы высшего образования, основанное на цифровой трансформации вузов и всей системы образования и обеспечения экономики кадрами, владеющими современными компетенциями для работы в условиях цифрового общества. Цифровое развитие является стратегическим направлением в научно-образовательной деятельности вузов, предоставляет новые возможности реализации интегрированного образовательного процесса, повышает его качество и эффективность.

Оно предполагает построение и функционирование новой цифровой академии, включающей в себя новую виртуальную структуру образовательной организации, организацию самостоятельного и полноценного образовательного процесса в электронной образовательной среде, наличие собственной образовательной платформы, объединяющей все структурные элементы академии, взаимосвязанные между собой в организации и управлении административно-хозяйственными и административно-учебными процессами с использованием современных информационных и сетевых технологий.

Цифровое развитие современной системы образования направлено на трансформацию традиционного и совершенствование электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Интеграция традиционного и электронного обучения на базе вуза позволит повысить эффективность и качество образовательного процесса, задать новые образовательные стандарты, сформировать новый вид образовательной организации – Бимодальный вуз».

Доктор политических наук, профессор, заведующий Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления РАНХиГС, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Общественной палаты Ростовской области А.В. Понеделков в своем выступлении детализировал ключевые направления цифровой трансформации общественно-политической организации.

Цифровизация в современной общественно-политической реальности выступает, с одной стороны, в качестве явления жизнедеятельности общества (цифровые ценности, технологические идеи и образы, цифровая архитектура и аппаратное обеспечение, цифровая культура, интерактивные формы и модели взаимодействия, и т.д.); с другой – в качестве процесса количественных и качественных изменений общественной системы, отражающей переход от одного типа общественно-политической организации и деятельности, к принципиально иному. И именно в этом направлении в настоящее время разворачивается общественно-политическое моделирование трансформации публично-властных отношений, а также прогнозируются разнообразные варианты формирования будущих политических порядков.

Все отчетливее можно проследить и разноректорные тенденции, связанные с формированием как новых «элитарных альянсов» (например,

между IT- корпорацией и политическими партиями, лидерами техногигантов и руководителями государственных структур), так и выделение новых элитарных групп, конкурирующих с традиционными элитами (например, в рамках политического лоббизма IT-корпорации оттеснили на периферию традиционную экономическую элиту).

Как отметили профессора Кочетков А. П., Мамычев А. Ю. и Понеделков А. В.: «В цифровом обществе чрезвычайно возрастает роль субъекта передачи и контроля информации, что дает этому субъекту, по существу, огромную власть в мировом социуме и объективно способствует формированию новой правящей элиты. Это - цифровая элита, т.е. социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Как соотносится цифровая элита с иными видами элит? Во-первых, она не будет носить регионального характера. Ее влияние будет распространяться как минимум на национальный уровень, но во многом станет носить транснациональный характер. Во-вторых, современная транснациональная элита, которая стоит во главе транснациональных бизнес-сообществ и стремится создать наднациональные структуры экономической и политической власти постепенно переходит на новые цифровые формы и методы управления, т.е. становится цифровой элитой.

По мнению некоторых исследователей, одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создает условия для расширения правящей элиты за счет включения в ее состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Эти новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении.

Поэтому, на наш взгляд, под дефиницией «цифровые элиты» необходимо понимать, прежде всего, владельцев транснациональных IT компаний, которые господствуют на мировом IT пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. Отдельные представители креативных топ-менеджеров крупнейших мировых IT-корпораций могут войти в состав формирующейся цифровой элиты. Однако ее основу составят, прежде всего, хозяева этих корпораций».

Все это ставит серьезную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Ее высокий статус станет определяться не прежними критериями - достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными IT- ресурсами, технологиям и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, т.к. ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обще-

стве процедур. Тему цифровых элит развил и профессор, доктор политических наук, директор Ростовского филиала МГТУ ГА Акопов Г.Л., отметив, что общественное признание и поддержка политических элит со стороны социума является основой стабильной и эффективной политической системы. В цифровом, информационно ориентированном социуме, добиться поддержки и легитимности без использования цифровых технологий становится крайне затруднительно. Современные политические коннотации интернет-сетевого сообщества, позволяющие человеку не только ощущать свою идентичность, но и обеспечивающие общественное признание власти либо общественное противостояние политическому управлению. Современные технологии позволяют каждому индивиду принять активное участие в политическом процессе, заявить свои требования, либо претензии, а возможно и поддержку политическому курсу, тем самым легитимизируя процесс политического управления в обществе нового типа, основанного на цифровых технологиях. Напомним, что ранее связанную с цифровизацией управления элиту предлагалось называть «нетократами», т.е. теми, кто способен обуздать глобальную информационную сеть и научиться управлять новыми формами провластных коммуникаций. Очевидно, что процесс цифровизации приведет к трансформации политических элит и зарождению нового класса властвующих элит.

Политические элиты в условиях цифровой трансформации вынуждены входить в постоянное взаимодействие с сетевым сообществом и прислушиваться к их политическим коннотациям. Трансформация социально-политических процессов и необратимость цифровизации формируют новый запрос к политической элите на модерирование виртуального пространства. Интернет-сообщество в свою очередь получило возможность публичных политических коннотаций в рамках политического дискурса и публичных высказываний мнений в отношении любых событийных явлений, опубликованных в сети «Интернет». Развитие политического дискурса позволяет говорить о большом потенциале воздействия интернет-сообщества на политические элиты, а, следовательно, и на происходящие в стране политические процессы и демократизацию политической власти. Политические коннотации интернет-сообщества позволяют политическим элитам оценить отношение интернет-сообщества к значимым политическим событиям и представителям политической элиты.

Сотни миллионов людей пользуются социальными сетями и участвуют в общении посредством интернет-блогов ежедневно, тем самым формируя интернет-сообщество, способное выступать активным актором политических и информационных процессов. На сегодняшний день всемирная сеть это, пожалуй, самое массовое и популярное место информационной коммуникации во всем мире. В условиях распространения коронавирусной инфекции и применения ряда мер по уменьшению физического контакта между людьми, информационно-коммуникационная сеть стала базисом по формированию

социума нового типа, который безусловно выдвигает наверх элиты, способные добиваться успехов в новых условиях.

Особенности элитобразования в постсоветской России изложил в своем выступлении профессор Пляйс Я.А. Новая попытка создать систему элитобразования, инициированная в последние годы Администрацией президента, связанная с проектом «Лидеры России» и её многочисленными платформами и конкурсами, начиная со школьного возраста, это, как отметил профессор, новая попытка решить актуальную проблему. Но и из этой попытки едва ли что-нибудь получится. Хотя бы потому, что этот процесс, как и предыдущие, не базируется на системном подходе.

Вместе с тем новые попытки были основаны на применение интернет-коммуникаций и имели широкий охват именно благодаря привлечению сетевого сообщества. Отдельные проекты обозначенных конкурсов полностью базировались на применение интернет-коммуникаций и анализировали навыки претендентов по применению интернет-платформ.

В производстве конструктивной информации ведущая роль принадлежит науке, а в ее продвижении – официальным каналам публичного администрирования, средствам массовой информации, а также специально учрежденным интернет-коммуникациям. Отсюда обоснованность того, что для элиты, претендующей на лидерские позиции, необходим лидерский уровень информационного обеспечения, необходима лидерская информационная культура, предполагающая:

а) современные профессиональные знания в области коммуникологии и информатизации управленческих процессов, в области СМИ и цифровых технологий;

б) понимание социальной природы ресурсов «информационной власти», опыт и практические умения научного анализа, оценки и обобщения политико-управленческой информации с учетом сложности информационных потоков и их особенностей в эпоху индустриализма и постмодернизма;

в) четкое представление о сложности и разнообразии информационного продукта в разрезе его источников, форм, объемов, направленности и содержания. Отсюда обязательность таких компетенций, как способность органически взаимодействовать, а для политически правящей элиты – задавать вектор действия и контролировать СМИ, социальные сети и другие проводники информации. Основным регулятором в этой сфере – информационное право;

г) гибкое управление информационным пространством (или отдельными его секторами) с минимизацией рисков информационных злоупотреблений. Особенно с позиции противодействия замыслам негативного информационно-психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание, защиты компьютерных сетей и других технических источников информации от внешнего противоправного проникновения;

д) личная коммуникационная компетентность, которая регламентируется законом, задается профессионализмом и нравственными императивами личности;

е) недопустимость абстрагирования от великого многообразия смыслопроизводящих институтов информации в процессе решения не только политических и идеологических, но и финансово-экономических и воспитательных задач. Речь идет об информационной культуре – совокупности знаний, умений грамотно потреблять и усваивать информацию. А далее различного рода компьютерные алгоритмы, режимы информационной свободы и кибербезопасности, т.е. то, что касается цифровой демократии, участия в публичных делах в рамках соответствующих цифровых платформ и с помощью соответствующих информационных технологий. В части элитообразования это прежде всего интернет-голосование, социологические опросы, сетевое коммуникационное общение с людьми, публичные услуги в дистанционном режиме.

Достаточно конструктивную роль с точки зрения функционирования властей играет Координационный центр Правительства Российской Федерации по цифровизации. Это еще один факт, подтверждающий, что в стране происходит достаточно динамичная «цифровая трансформация госаппарата», что создается новая модель государственного менеджмента.

В Центре не только концентрируется и обрабатывается информация из различных источников, но и формируются проекты управленческих решений, формулируются предложения по конструктивному реагированию на нештатные ситуации. Одна из основных задач – мониторинг реализации национальных проектов, а главный инструмент обратной связи – интернет-ресурсы органов власти, политических партий, конкретных политических деятелей. Кстати, это и есть главные составляющие «государства-как-платформы» во главе с главным архитектором Платформы под названием Центр цифровой трансформации.

Две секции Конгресса прошли на базе Астраханского государственного университета: Секция 4. «Политические элиты и проблемы комплексной безопасности» (модератор – профессор П.Л. Карабущенко) и Секция 5. «Элитология культуры: творчество и ценности современного мира» (модератор – доцент Л.Я. Подвойский).

По секции «Политические элиты и проблемы комплексной безопасности» была подана 21 заявка и сделано 10 выступлений (докладов). Работу секции открыл доклад профессора П.Л. Карабущенко, посвященный проблеме карнавальской политической культуры. В своем выступлении докладчик отметил, что современные политические элиты вступили в пору своего системного кризиса, связанного с невозможностью адекватно адаптироваться к смене исторических эпох – они застряли между поздним индустриализмом и ранним постиндустриализмом. Они переживают в настоящее время самую настоящую ментальную ломку, связанную с кризисом их мировоззрения и ухудшением

общих когнитивных способностей. Политические элиты коллективного Запада демонстрируют самую худшую селекцию за последние сто лет. То, что происходит с нынешним поколением политиков, в научной и публицистической литературе получило название политического карнавала, свидетельствующего о сломе классической политики и ее подмене эрзацполитикой. Такое происходило неоднократно в политической истории. Достаточно здесь будет вспомнить труды античных авторов (Светония, Плутарха, Прокопия Кессарийского), чтобы понять, сколь глубоко порой карнавальная политическая культура поражает элитные слои общества и извращает до неузнаваемости саму их власть.

В докладе доктора политических наук, профессора Р.Х. Усманова отмечалось, что современные элиты научились для себя эффективно использовать электоральный процесс. Его доклад был посвящен проблеме «Контрэлиты в избирательных процессах в условиях цифровой трансформации: российская специфика». Использование современных технологий в избирательных процессах, может создать еще большую непрозрачность во взаимоотношении власть и общества. В результате этого перед самим обществом встает задача по усилению своего контроля за ненормативной деятельностью властью и особенно проверять действия т.н. контрэлиты.

В своем выступлении «Современные элиты и рост деструктивности в социально-политических процессах в обществе» кандидат политических наук, доцент О.И.Оськина обратила внимание на негативные тенденции, которые современный научный мир наблюдает в поведении правящих элит. Деструктивные начала полностью «забили» креативные способности власти. В настоящее время говорить о т.н. «креативном классе» в политике не приходится, вследствие крайне низких их общих когнитивных способностей.

Анализу политических событий в Казахстане и вокруг Казахстана в январе 2022 г. были посвящены выступления сразу нескольких докладчиков: 1) Романова А.П. (д.филос.н., проф.) «Общественное мнение в оценке безопасности Казахстана». 2) Топчиев М.С. (к.полит.н., доц.) «Комплексная безопасность Каспийского макрорегиона - новые реалии». 3) Кудряшова Е.В. (к. полит.н., доц.) «Приемы информационно-психологического воздействия в новостном дискурсе в условиях политической нестабильности: на примере освещения протестов в Казахстане» и 4) Джанталеева М.Ш. (к.полит.н., доц.) «Политические элиты фронтального типа и современные вызовы глобализма». В прозвучавших докладах давался всесторонний анализ прошедших событий и определялась роль конкретных политических деятелей и самой элиты Казахстана.

В 5 секции «Элитология культуры: творчество и ценности современного мира» было подано 11 заявок и заслушано 5 докладов. Секция носила междисциплинарный характер, в ее работе приняли участие историки, философы, психологи, культурологи, филологи. Общей темой стала обозначенная в названии проблема – роль творчества в развитии концепций элитологии культуры. С докладами выступили: проф. д.филос.н. П.Л. Карабущенко «Элитология творчества»; доц. к.филос.н. Л.Я. Подвойский «Юрий Николаевич

Давыдов и современная элитология»; доц. д.филос.н. А.П. Глазков «Элитологический аспект межконфессионального диалога»; проф. д.филос.н. Е.В. Хлыщева «Креативный класс как новая современная элита»; проф. д.филолог.н. Е.Е. Завьялова «Художник-творец: к вопросу о доминантах романтической эстетики».

В преддверии IV Всероссийского конгресса элитологов редакция журнала «Вопросы элитологии» (www.elitology-journal.com) выпустила тематический номер, посвященный проблемам элитологии творчества – культура, философия, филология. Примерная тематика обсуждения этого номера: 1) Культурная элита – кто она? 2) Философия творчества: традиции русской и зарубежной философии. 3) Творческая мастерская культурной элиты. 4) Теоретические основы элитологии творчества. 5) Творчество как созидаящая сила человечества. 6) Роль творчества в истории человечества. 7) Многообразие творческого опыта...

В рамках подготовки Конгресса ЮРИУ РАНХиГС было проведено экспертное исследование (опрос) по теме: «Власть и элита в эпоху цифровой трансформации».

Традиционно Южно-Российский институт управления РАНХиГС, являющийся инициатором проведения элитологических конгрессов в Российской Федерации, сопровождает подготовку к каждому мероприятию организацией социологических исследований по теме очередного конгресса в различных регионах России. К участию в подготовке данных опросов обычно активно подключаются представители крупных научно-образовательных центров в различных регионах страны. В этом году кроме Ростовской области экспертный опрос был проведен в Республиках: Башкортостан, Карелия, Коми, Крым, Татарстан, Карачаево-Черкесия и Чувашия; в Алтайском, Камчатском, Приморском и Ставропольском краях; Курганской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ульяновской, Челябинской и Ярославской областях.

Таким образом, в 2022 году опрос был проведен в 20 регионах Российской Федерации, где в качестве респондентов выступили более 1150 экспертов. Самая большая по объему выборка экспертов (235 человек) была охвачена в Ростовской области. Во всех регионах страны опрос экспертов проводился по единой методике. Основными категориями участников опроса, на которые ориентировались организаторы, стали представители семи категорий респондентов: (1) государственные и муниципальные служащие; (2) представители политико-административной элиты; (3) служащие правоохранительных органов; (4) представители бизнес-элиты; (5) ученые, работники ВУЗов, НИИ, преподаватели; (6) члены общественных организаций, представители СМИ, журналисты; (7) работники культуры и образования.

Если говорить о месте проживания респондентов в Ростовской области (результаты экспертного опроса в данном регионе были выбраны нами из-за того, что они, во-первых, были полностью обработаны к началу работы Конгресса, и, во-вторых, потому что по результатам всего опроса здесь удалось

достичь самой представительной выборки), то большинство из них (74,89%) – горожане. Соответственно, 25,11% экспертов, принявших участие в опросе – жители сельской местности.

Возрастной состав участников экспертного опроса в Ростовской области характеризуется следующими данными. Эксперты от 40 до 49 лет – 35,32 % от общего числа респондентов, от 50 до 59 лет – 22,13 %, от 30 до 39 лет – 20,85 %. Самыми немногочисленными оказались группы самых молодых экспертов (до 29 лет) – 11,06 % от общего числа респондентов и самых «возрастных» экспертов (60 лет и старше), доля которых составила 10,64%.

Перед тем, как представить параметры содержательной части анкеты, использовавшейся при опросе экспертов в Ростовской области, считаем важным пояснить, что акцент в методике исследования делался не на процессах цифровой трансформации, а на характеристиках власти и элит, так или иначе изменяющихся под влиянием этих процессов. Другими словами, целью проведенного в регионах Российской Федерации экспертного опроса являлось получение эмпирической информации о характеристиках властных структур страны и современных российских элит в контексте процессов цифровой трансформации. Данный тезис, характеризующий методологическую позицию организаторов опроса, в определенном смысле подтвердился и его результатами.

Так, например, отвечая на вопрос о влиянии цифровой трансформации на систему властно-управленческих отношений в современном обществе, почти половина (47,23 %) опрошенных экспертов выбрала вариант ответа, в соответствии с которым «цифровизация лишь частично способствует укреплению положения управленческих элит, позволяет разрешить отдельные управленческие вопросы, но не может определять стратегическое положение элиты». С мнением о том, что цифровизация позволяет правящей политико-административной элите укрепить свою власть и успешно управлять политическими процессами в обществе, согласились 27,66 % опрошенных экспертов. С тем, что цифровая трансформация не оказывает существенного влияния на политико-управленческие процессы и положение элит, согласны в общей сложности 11,06 % респондентов, а с тем, что она опасна для правящей политико-административной элиты, так как создаёт угрозы для стабильности власти – 8,94 %.

Представляется важным отметить, что достаточно большое число респондентов высказали свои собственные варианты ответа на вопрос о влиянии цифровой трансформации на систему властно-управленческих отношений. Среди положительных перспектив цифровой трансформации, которые отметили эксперты, хочется привести следующие примеры предложенных ими вариантов: (1) «цифровизация влияет благотворно, т.к. снижает возможности для коррупции»; (2) цифровая трансформация способствует «ускорению управленческих решений»; (3) «убирает некоторые бюрократические барьеры»; (4) цифровизация «немного облегчает коммуникацию внутри общества, так как

способствует общению правящей элиты с народом»; (5) «цифровая трансформация - это хороший ресурс, только этим нужно умело пользоваться».

В ходе опроса больше половины респондентов в качестве необходимых мер для улучшения характеристик современной правящей российской элиты отметили антикоррупционное очищение (вопрос 18), которое эти же респонденты обозначили как элемент положительной цифровой трансформации. Из чего мы можем сделать вывод о востребованности развития цифровизации и трансформации политического управления с применением цифровых технологий.

Примерами отрицательной оценки влияния цифровой трансформации на систему властно-управленческих отношений в современном обществе являются следующие примеры высказываний экспертов: (1) «цифровизация отрицательно влияет на правящую элиту»; (2) «сложно сказать, т.к. уровень цифровизации низок в сравнении с передовыми странами»; (3) «стратегические государственные решения подчинены личным интересам отдельных менеджеров. Средства российских налогоплательщиков были неоднократно безрезультатно «потрачены» на множество «цифровых» пустышек, которые нанесли существенный ущерб и вред государству».

Обозначенные отрицательные оценки существенно не влияют на положительные достижения цифровой трансформации, а скорее подчеркивают необходимость модернизации политического управления и политической элиты в частности.

Конгресс запомнился активностью его участников, открытостью высказываемых позиций и объективностью оценок. По итогам работы Конгресса будет издан сборник трудов участников IV Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, который обобщит все представленные тезисы, создав надежный базис для дальнейших исследований и практической трансформации властных отношений, основанных на применении цифровых технологий (Рудой, 2022).

Список литературы

Рудой, В. В. (2022). Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества. 512.

References

Rudoy, V. V. (2022). Power and Elite in the Era of Digital Transformation: New Challenges and Threats, Trajectories of Socio-political Development of Modern Society. 512. (In Russian)

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal[at]gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal[at]gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415